
НАДЕЖДА РУНОВА
ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
КНИГА 5
ВРЕМЯ СОЗИДАТЬ

Надежда Рунова

"Царица, которой не было. Время созидать"

«Автор»
2026

Рунова Н.

"Царица, которой не было. Время созидать" / Н. Рунова — «Автор», 2026

Война закончилась. Мир подписан. Но самое трудное только начинается.Когда-то Евдокия Лопухина с помощью Аксиньи сумела изменить ход истории. Теперь России предстоит научиться жить в новом мире – и построить государство, в котором перемены переживут своих создателей.Молодой царь Алексей учится править самостоятельно. Казна не бездонна, чиновники сопротивляются новым порядкам, учёные спорят, учителя открывают школы, а вчерашние решения оборачиваются неожиданными трудностями.И пока Россия учится жить без войны, в царской семье кипит собственная жизнь. Здесь любят, ошибаются, растят детей и принимают решения, перед которыми бессильна даже императорская власть.Евдокия привыкла бороться за будущее. Но сумеет ли она доверить его тем, ради кого столько лет меняла Россию?Пятая книга цикла «Царица, которой не было».

© Рунова Н., 2026
© Автор, 2026

"Царица, которой не было. Время созидать"

НАДЕЖДА РУНОВА

ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
КНИГА ПЯТАЯ

ВРЕМЯ СОЗИДАТЬ

Глава 1. После свадьбы

Январь 1712 года. Москва

Утром Евдокия обнаружила, что за столом ей больше не подают государственные бумаги.

Сначала она решила, что это случайность.

Завтрак накрыли в небольшой комнате, где зимой было теплее, чем в парадных покоях. В печи потрескивали дрова, на окнах выступил морозный узор, а за тяжёлыми шторами едва угадывался серый московский рассвет. На столе стояли каша, горячий хлеб, масло, сыр и кувшин с тёплым питьём. Служанка меняла тарелку, другая поправляла скатерть. Всё происходило как обычно.

Кроме бумаг.

Евдокия посмотрела на свободное место справа от своей чашки. Обычно там уже лежали доклады, записки и письма, которые успевали разобрать до её появления. Сегодня место занимала маленькая тарелка с грушами.

Она взяла одну.

– Хорошо устроились, – заметила царица.

Алексей, сидевший напротив, поднял глаза от чашки.

– Кто?

– Все. Я ещё не успела сесть, а мне уже оставили фрукты вместо государственных дел.

– Это я распорядился.

– Тогда понятно. Государь решил начать управление с изменения завтрака.

– С завтрака проще. Если бы я начал с казны, ты бы испортила мне утро.

Шарлотта тихо рассмеялась.

После декабрьского венчания прошло совсем немного времени. Она ещё не привыкла к московскому двору, к многочисленной прислуге и к тому, что даже семейная трапеза иногда превращалась в государственное совещание. Впрочем, сегодня молодая царица выглядела вполне довольной. На ней было светлое домашнее платье, волосы убраны под кружевную косынку, а рядом с тарелкой лежало письмо от родных, полученное накануне.

– Я полагала, – сказала она, – что бумаги будут ждать до конца завтрака.

– Они и ждут, – ответил Алексей.

– В другой комнате?

– В другой комнате.

– Значит, нам удалось добиться некоторого порядка.

Евдокия покачала головой.

– Вот что делает с человеком замужество. Не успела освоиться, а уже поддерживает мужа против свекрови.

– Я поддерживаю завтрак, – невозмутимо возразила Шарлотта. – Его здесь защищать больше некому.

Алексей рассмеялся, а Евдокия с неожиданным удовольствием подумала, что сыну досталась женщина, способная не только понимать его настроение, но и отвечать ему тем же.

– Хорошо, – сказала она. – Бумаги подождут. Но после завтрака нам всё равно придётся поговорить.

– О регентстве? – уточнил Алексей.

– О нём.

Он отложил ложку.

– Я подготовил указ. Сегодня покажу тебе окончательную редакцию.

– Быстро.

– Мы обсуждаем это с декабря, матушка. Не думаю, что ещё одна неделя сделает документ лучше.

Евдокия хотела напомнить, что некоторые формулировки следовало бы проверить особенно тщательно, однако вовремя заметила выражение его лица. Алексей смотрел спокойно, без вызова, но явно не собирался вновь начинать разговор с самого начала.

– Тогда покажешь, – согласилась она. – Надеюсь, не забыл о старых распоряжениях, изданных во время регентства?

– Они сохраняют силу, пока я не отменю или не изменю их. Куракин уже проверил текст.

– Значит, у меня больше нет причин придираться.

– Ты найдёшь.

– Неблагодарный ребёнок.

Шарлотта опустила глаза к тарелке, пряча улыбку.

За дверью послышались шаги. Служитель, остановившись у порога, доложил о прибытии князя Куракина. Алексей велел проводить его в кабинет и передать, что скоро придёт.

– У тебя ещё хлеб остался, – напомнила Шарлотта, когда муж потянулся за салфеткой.

– Я сыт.

– Ты съел половину.

– Куракин переживёт, если я приду голодным.

– А я, вероятно, нет.

Алексей посмотрел на жену, затем послушно взял хлеб.

Евдокия отвернулась к окну. Смеяться при этом было совершенно необязательно, но удержаться она не смогла.

Куракин ожидал государя в кабинете, где уже успели развести огонь и принести свежие свечи. На столе лежали бумаги, оставленные накануне, а возле чернильницы стояла небольшая песочница для просушки письма. Князь привёз два документа: предварительный ответ от посредников, пытавшихся устроить переговоры со шведской стороной, и перечень вопросов, требовавших государева решения до отправления посольства.

Алексей вошёл без церемоний, сел и протянул руку за первым листом.

– Что нового?

– Подтверждают готовность к предварительным встречам. Но шведы пока не желают называть город, где согласны вести переговоры, и предлагают начать с общих условий прекращения войны.

– Значит, снова слова.

– Пока слова. Однако раньше и их приходилось добиваться.

Алексей прочёл письмо. Куракин терпеливо ждал, поглядывая на лежавшую у стены карту. За годы службы он привык различать государей, которые читают бумаги ради приличия, и тех, кто действительно старается понять написанное. Алексей относился ко вторым, хотя иногда задерживался на подробностях, которые опытный дипломат предпочёл бы оставить служащим.

– Карл вернулся, – сказал государь, отложив лист. – Теперь переговоры могут пойти быстрее.

– Или медленнее.

– Почему?

– Потому что посредники готовы уступать там, где сам король может упереться из одного самолюбия. Его величество шведский король не привык признавать, что война обошлась ему дорого.

– Нам она тоже обошлась недёшево.

– Именно поэтому я советовал бы не начинать с перечня наших приобретений. Пусть сперва услышат, что мы готовы обсуждать торговлю, безопасное плавание и условия долгого мира.

Алексей нахмурился.

– Чтобы потом торговаться о городах?

– Чтобы не заставить их отказаться от переговоров ещё до первой встречи. Ревель, Нарва и Выборг для шведской короны – совсем иные слова, нежели для наших купцов. Одного присутствия Карла за столом будет недостаточно, чтобы он согласился их произнести в договоре.

– Но отказываться от необходимого побережья мы не станем.

– Государь, я и не предлагаю. Я прошу оставить посольству возможность выбирать, с чего начинать разговор.

Алексей снова посмотрел на письмо. Возражение князя было разумным, хотя принимать его без оговорок не хотелось. Он ещё некоторое время расспрашивал о посредниках, о возможности безопасного проезда через германские земли и о том, какие гарантии потребуются для участия русской делегации.

– Хорошо, – решил он наконец. – Пусть предварительные ответы будут сдержанными. До утверждения полномочий посольства никаких обещаний о территориях не давать.

– Это я и намеревался предложить.

– А я намеревался согласиться, князь. Не лишайте меня удовольствия.

Куракин усмехнулся.

Они перешли к расходам. Подробную смету ещё предстояло составить, однако Алексей сразу предупредил, что не желает видеть в составе посольства десятки людей, отправляющихся за границу исключительно ради почётного путешествия. Куракин возразил, что представительная свита иногда открывает двери, недоступные слишком скромной делегации, и предложил обсудить состав отдельно.

– Обсудим. Но лишних родственников туда не вписывайте, – сказал Алексей.

– Составят немало прошений.

– Пусть составляют.

Князь убрал письмо в папку. Оставался вопрос, ради которого он не хотел ограничиваться перепиской.

– Приказы спрашивают, куда направлять донесения по делам будущего посольства. Пока царица-матерь в Москве, затруднений нет. Но когда она уедет, многие станут обращаться непосредственно к ней, минуя государеву канцелярию.

– Все государственные донесения идут ко мне, – ответил Алексей. – Матушка получает необходимые ей сведения через посольскую службу. Кому поручено вести переговоры, тот должен иметь достаточно свободы, но управлять Россией из чужих земель она не собирается.

Куракин поклонился. Возражать было нечего: порядок определили ясно, а исполнение зависело уже от тех, кто привык десятилетиями искать более удобную дверь.

Когда князь вышел, Алексей велел позвать секретаря и принести подготовленный указ.

Он перечитал его ещё раз, исправил одно слово и расписался.

Документ определял прекращение регентства Евдокии и переход текущего управления исключительно к царствующему государю. Уже действовавшие распоряжения оставались в силе. Особые полномочия царицы-матери для предстоящего посольства должны были оформляться отдельной грамотой.

Подпись легла ровно. Алексей передал лист секретарю, велел приготовить надлежащие списки и доставить матери предназначенный ей экземпляр.

На этом дело было закончено.

Евдокия получила указ после полудня.

Она прочла его внимательно, хотя многое уже знала из прежних разговоров. Формулировки оказались точными и довольно краткими. Сын не пытался ни оправдываться перед двором, ни умалять её прежние заслуги. Он просто устанавливал порядок, по которому государство должно было жить дальше.

Евдокия отложила документ и позвала секретаря.

– Подготовьте ответ государю. С указом ознакомлена, распоряжение принимаю.

Тот записал, поклонился и ожидал дальнейших поручений.

– И велите передать в Посольский приказ, чтобы все бумаги, касающиеся моей поездки…

Она остановилась.

Приказ уже получил распоряжения Алексея. Куракин занимался подготовкой миссии, а секретарь ожидал слов, которые привык слышать много лет. Можно было продолжить, определить порядок переписки, назвать ответственных лиц, назначить час очередного совещания. Никто бы не удивился.

Евдокия посмотрела на лежавший перед ней указ.

– Нет, – сказала она. – Ничего передавать не нужно. Князь Куракин сам представит мне необходимые бумаги.

Секретарь убрал записанное перо за ухо и вышел.

Она осталась сидеть за столом, испытывая странное раздражение. Вроде бы ничего не случилось. Разве что пришлось остановить собственную руку прежде, чем та привычно потянулась распоряжаться.

У окна стояла небольшая шкатулка с письмами. Евдокия открыла её, вынула несколько старых записок, давно требовавших ответа, и попыталась заняться ими. Но мысли возвращались к приказам, к людям, которые могли перепутать сроки, упустить важное, принять неверное решение. За пятнадцать лет она слишком хорошо узнала, сколько неприятностей начинается с небольшой небрежности.

В дверь постучали.

– Войдите.

Служанка сообщила, что прибыл князь Куракин.

– Просите.

Князь явился с дорожной картой и несколькими листами, исписанными убористым почерком. Он поклонился, дождался приглашения сесть и сразу перешёл к делу.

– Государь утвердил начало подготовки. Полномочия будут оформлены отдельно. Я хотел бы согласовать с вами предполагаемый путь и состав людей, без которых поездка окажется затруднительной.

Евдокия развернула карту. Дороги от Москвы до Смоленска были ей знакомы, но дальше начинались земли, где русское посольство не могло передвигаться без оглядки на местных правителей и их отношения со Швецией.

– Через Речь Посполитую?

– Это наиболее удобное направление, если удастся получить надёжные охранные грамоты. Но я бы не обещал, что все пропустят нас с одинаковым удовольствием.

– Особенно те, кому русско-шведский мир невыгоден.

– Именно. Кроме того, придётся определить, где посольство сможет останавливаться без лишнего внимания. Война закончится ещё не завтра, а слухи порой бегут быстрее наших гонцов.

Евдокия провела пальцем по карте.

– Людей много брать не хочу. Нам предстоят переговоры, а не путешествие с придворными увеселениями.

– С этим согласен. Но чрезмерная скромность тоже может обойтись дорого. Если появимся у германских владетелей с десятком служителей, нас сочтут просителями. И не каждый захочет принимать русскую царицу без надлежащего сопровождения.

– Не думаю, что Карла впечатлит количество моих камеристок.

– Карла, вероятно, нет. Зато людей, от которых зависит наш проезд, может впечатлить даже качество кареты.

Евдокия рассмеялась.

– Вы готовы защищать каждую лишнюю лошадь, князь?

– Только тех, которые позволят нам вовремя оказаться в нужном городе.

– Тогда защищайте. Но смету всё равно покажете.

Куракин с достоинством кивнул. Он принёс список не для того, чтобы безропотно принять любое сокращение, и Евдокия это прекрасно понимала.

Оставался ещё торговый советник. Князь назвал Прэста, напомнил о его знании германских городов и северной торговли, особенно важных при обсуждении возможных выплат и поставок.

– Берите, – решила Евдокия. – Только разделите бумаги. Торговые сведения пусть получает от вас, а государственные предложения остаются у полномочных послов.

– Это предусмотрено.

– Хорошо.

Куракин убрал список, но карту оставил на столе.

– Есть ещё одно обстоятельство. На встречах с немецкими дворами можно будет обсудить приглашение учёных и учителей. Государыня прежде говорила о Лейбнице.

– Помню.

– Не советовал бы пытаться устроить полноценные переговоры о науках посреди мирного конгресса. Но если представится подходящий случай, его упускать не следует.

Евдокия задумалась. Ей хотелось заниматься этим делом обстоятельно, говорить о школах, книгах, преподавателях, о том, чего удалось добиться за прошедшие годы и чего ещё не хватало. Но сейчас главным оставался мир.

– Подготовьте краткие сведения о наших училищах и переводах. Если встреча состоится, пустых обещаний давать не станем. Учёные люди должны понимать, куда их приглашают.

– Так и поступим.

Князь сложил карту. Евдокия проводила его до двери и задержалась на пороге, глядя вслед. Прежде подобный разговор наверняка закончился бы ещё десятком поручений, которые она взяла бы на себя, чтобы ускорить работу.

Теперь у неё имелись другие обязанности.

И, к собственному неудовольствию, она пока не научилась считать их достаточными.

Шарлотту Евдокия нашла в небольшой комнате возле её покоев. Молодая царица сидела за столом вместе с двумя девушками из своей прислуги и разбирала принесённые ткани. Возле стены стоял раскрытый сундук, а на скамье лежали свёртки полотна и тонкого сукна.

Увидев свекровь, Шарлотта поднялась.

– Мы вам не помешали? – спросила Евдокия.

– Напротив. Я как раз хотела вас разыскать.

Она показала на ткани.

– Здесь привезли всё, что я просила ещё до свадьбы. Но часть оказалась совсем не того качества, какое обещали.

Евдокия потрогала край светлого полотна.

– Для нижнего белья сгодится.

– Для моего – да. А для детских рубашек, которые я хотела заказать к весне, слишком грубое.

– Детских?

– В богадельне при церкви, куда меня водили на прошлой неделе, много детей. Некоторым требуется одежда. Я подумала, что шитьё можно устроить здесь, а готовые вещи передавать туда.

Евдокия посмотрела на невестку с интересом.

– Ты уже договорилась?

– С женщиной, которая присматривает за детьми, да. Но денег у меня на всё не хватит, если покупать ткань по той цене, которую назвали купцы.

– Могла бы обратиться ко мне.

– Могла. Но я решила сперва разобраться, сколько действительно нужно.

Она достала лист с записями. Почерк был аккуратным, хотя русские слова местами соседствовали с немецкими. Евдокия быстро просмотрела перечень, увидела количество детей, примерные размеры рубашек и расход полотна.

– Кто помогал считать?

– Никто. Я ошиблась в первом расчёте, а потом пересчитала.

– Это заметно.

Шарлотта смутилась.

– Очень?

– Достаточно, чтобы понять, что ты теперь вряд ли позволишь купцу обмануть себя дважды.

Обе улыбнулись.

Евдокия положила лист на стол.

– Если хочешь, я попрошу принести тебе несколько образцов из тех запасов, что закупались для больниц. Там полотно должно быть подходящее.

– Я была бы благодарна. Но покупать его хочу за свой счёт. Алексей обещал выделить мне деньги на собственные расходы, и я предпочитаю сама решать, куда их тратить.

В голосе молодой женщины прозвучала неожиданная твёрдость.

Евдокия не стала настаивать. Ей нравилось, что Шарлотта уже искала собственное место в новой семье, хотя московские обычаи ещё часто заставляли её останавливаться и спрашивать, как принято поступать.

Они поговорили о немецких письмах, о прислуге, о том, какие комнаты удобнее в зимнюю стужу. Шарлотта пожаловалась на сильный жар в спальне после вечерней топки, зато с искренним удовольствием рассказала о прогулке по заснеженному двору, где одна из придворных дам едва не потеряла башмак в сугробе.

– Алексей сказал, что весной всё будет иначе, – заметила она.

– Весной станет грязнее.

– Он обещал мне сады.

– Сады тоже будут. Но до них придётся добираться по грязи.

Шарлотта засмеялась.

Когда девушки унесли ткани, она задержала Евдокию ещё ненадолго.

– Алексей говорил, что вы отправитесь в Германию весной. Это уже решено?

– Если подготовка пойдёт как следует.

– Тогда я хотела бы передать через вас несколько писем. Не срочных, конечно. И кое-что из подарков.

– Передавай. Только заранее, чтобы Куракин не обнаружил твои сундуки в день отъезда.

Шарлотта некоторое время молчала, разглаживая складку на скатерти.

– Он будет скучать, – сказала она наконец.

– Знаю.

– Но едва ли признается при остальных.

Евдокия улыбнулась.

– Ты быстро его изучила.

– Не уверена. Иногда он весь вечер говорит со мной о пустяках, а потом вдруг оказывается, что уже принял какое-то важное решение и ни словом о нём не обмолвился.

– Похоже на Алексея.

– Я не прошу его рассказывать мне всё. Но хочу понимать, когда он чем-то встревожен.

Евдокия присела рядом.

– Тогда спрашивай. Он не всегда умеет начинать такие разговоры.

– Я уже спрашиваю. Иногда даже слишком часто.

– И что он отвечает?

Шарлотта чуть покраснела.

– Вчера сказал, что женился на мне, а получил ещё одного человека, который следит, вовремя ли он обедает.

Евдокия расхохоталась.

– Вот негодяй! Но, пожалуй, это ему необходимо.

Она обняла невестку, прощаясь, и отправилась к себе. Ей было приятно думать, что сыну предстоит возвращаться вечерами к женщине, которая не станет принимать его государственные заботы за повод забывать о собственной жизни.

В последние январские дни новый порядок начал постепенно приживаться.

Не без путаницы.

Первые же распоряжения Алексея заставили приказных служащих переписывать привычные обращения. В одном из донесений, предназначенных государю, писец по старой памяти указал, что ожидает решения царицы Евдокии. Алексей велел вернуть документ, однако не наказал виновного: в приказе должны были разобраться с порядком переписки, а не искать человека, которого удобнее всего сделать ответственным.

Другой случай оказался менее безобидным. Один из дворян попытался добиться назначения через родственников Евдокии, рассчитывая, что её прежнее влияние позволит обойти обычное рассмотрение. Получив отказ, он подал прошение самому государю, но предусмотрительно упомянул о давней службе своей семьи царице-матери.

Алексей прочёл прошение и отложил его к остальным. Родство с матерью и былые заслуги он собирался учитывать лишь там, где они действительно имели отношение к делу.

Евдокия узнала об этом от одного из старых служащих, который пришёл к ней под предлогом поздравления с благополучным завершением регентства. Тот долго говорил о прежних годах, затем осторожно перешёл к недавнему прошению и попросил замолвить слово.

Она дослушала его, предложила ещё немного горячего сбитня и посоветовала дождаться решения государя.

– Но ведь человек из доброго рода, государыня…

– Тем более должен знать, как подают прошения.

Служащий поклонился, поняв, что разговор окончен.

После его ухода Евдокия некоторое время сидела у печи, грея ладони о чашку. Она прекрасно знала, что проситель мог оказаться вполне достойным человеком. Возможно, Алексей

даже назначит его. Но стоило ей сейчас вмешаться, и завтра у двери появились бы ещё пятеро с такими же просьбами.

Впрочем, без работы она не оставалась.

Куракин присылал сведения о предстоящих переговорах, списки необходимых грамот и переводы писем из германских дворов. Вместе с ним Евдокия определяла круг вопросов, которые следовало поднять в Европе помимо заключения мира. Среди них были возможные брачные переговоры для царевен и приглашение специалистов, способных помочь дальнейшему развитию училищ и ремёсел.

Каждое такое дело требовало подготовки, но Евдокия впервые за долгие годы могла заниматься им, не отвлекаясь ежечасно на московские жалобы и приказные недоразумения.

Она ещё не решила, считать ли это благом.

Под конец месяца через дипломатических посредников поступило новое письмо.

На этот раз его доставили прямо в государеву канцелярию, где секретарь записал получение и передал запечатанный пакет Алексею. Куракина вызвали для разбора ответа, а Евдокии государь прислал приглашение присоединиться к ним.

Когда она вошла, на столе уже лежал перевод.

– Похоже, дело сдвинулось, – сказал Алексей.

– Насколько?

– Они готовы обсуждать место встречи. Среди возможных городов назван Любек.

Куракин заметил:

– Пока это предложение посредников, не согласие шведской короны. Но известие хорошее. В Любеке проще устроить переговоры с участием представителей разных дворов, да и торговые люди там достаточно хорошо понимают цену прекращения войны.

Евдокия взяла перевод. Письмо было осторожным, почти уклончивым, зато в нём впервые обозначался вполне определённый путь к будущим переговорам.

– А Карл?

– Его участие остаётся возможным, – ответил князь. – Но я не стал бы строить весь план вокруг надежды на личную встречу. Согласится прибыть – будем говорить с королём. Не согласится – с его уполномоченными.

– И сколько времени нам потребуется, чтобы договориться о самом месте?

Куракин пожал плечами.

– Столько, сколько обе стороны сочтут нужным потратить, не теряя лица.

– Значит, надолго, – заключила Евдокия.

– Не обязательно. Иногда желание сохранить лицо заставляет государей договариваться быстрее, чем здравый смысл.

Алексей встал из-за стола и прошёл к карте, закреплённой у стены.

– Тогда готовьте ответ. Мы согласны рассматривать Любек как место переговоров при условии надлежащих охранных грамот и взаимного признания полномочий посольств. До окончательного согласования места никто из наших людей туда не отправляется.

Куракин поклонился.

– Исполню.

Они обсудили ещё несколько существенных вопросов, после чего князь забрал бумаги и удалился. Евдокия осталась с сыном.

– Ты доволен? – спросила она.

– Письмом? Пока рано.

– Я о другом.

Алексей посмотрел на неё.

– Ты передала мне государство, матушка. А вместе с ним все его неприятности. Я ещё не решил, благодарить тебя или жаловаться.

– Жаловаться можешь, но жалованье за это не положено.

Он рассмеялся.

Евдокия подошла ближе. Алексей стоял возле карты, чуть склонив голову, разглядывая обозначенные на ней прибалтийские крепости. В последние годы он заметно изменился. Исчезла подростковая угловатость, движения стали увереннее. Иногда в выражении его лица она узнавала Петра, и тогда по привычке приходилось отводить взгляд. Но чаще перед ней был только Алексей – её сын, со своим умом, своими сомнениями и всё более явным нежеланием жить чужими решениями.

– Я буду далеко, – сказала она. – Если что-то потребуется, пиши. Но не заставляй себя ждать моего ответа там, где можешь решить сам.

– Так и собираюсь.

– И не забывай отдыхать.

– Шарлотта уже взяла это на себя.

– Значит, мне не о чем беспокоиться.

– Ты всё равно найдёшь.

Евдокия улыбнулась, подошла к нему и поправила ворот кафтана, который немного сместился на плече. Алексей позволил ей это сделать, хотя при посторонних непременно отстранился бы.

– Береги её, – сказала Евдокия.

– Шарлотту?

– И себя тоже.

Он обнял мать. Несколько мгновений они стояли молча, а затем Алексей отпустил её и предложил ещё раз посмотреть карту предполагаемого пути. Евдокия отказалась: с картой Куракин разберётся лучше их обоих, а окончательный маршрут всё равно придётся утверждать позже.

– Иди к жене, – велела она. – Ты сегодня обещал ей ужинать вместе.

– Она успела тебе пожаловаться?

– Нет. Но я знаю своего сына.

– Пожалуй, теперь вас стало двое.

– Привыкай.

Вечером Алексей действительно ужинал с Шарлоттой. Она рассказывала ему о своей затее с детской одеждой, спрашивала, можно ли поручить закупку полотна одному из знакомых ей московских купцов, и между делом призналась, что уже успела поссориться с портнихой из-за слишком широких рукавов.

– Мне сказали, что так носят при дворе.

– И что ты ответила?

– Что во дворце достаточно места для широких рукавов, но в мастерской они будут только мешать.

Алексей засмеялся и пообещал узнать, кто сможет помочь с закупкой полотна. Взамен он попросил жену не устраивать собственный приказ прямо в её покоях, иначе скоро туда начнут приходить просители со всего города.

Шарлотта уверила, что пока собирается ограничиться несколькими женщинами и одной портнихой.

После ужина они ещё немного посидели вместе. Алексей рассказал о письме посредников, о возможном отъезде матери и о том, что лето, вероятно, окажется беспокойным. Шарлотта слушала внимательно, но не стала расспрашивать о том, чего муж сам не хотел обсуждать. Когда он поднялся, чтобы вернуться к делам, она только попросила не засиживаться до утра.

В кабинете его ждали несколько бумаг.

Секретарь принёс донесение о расходах на содержание гарнизонов, прошение о назначении и выписку из прежних распоряжений, которую следовало сверить с новым делом. Алексей сел за стол, подвинул свечу и принялся читать.

В донесении обнаружилось противоречие: деньги, уже выделенные на одни нужды, предлагалось вновь записать в расходы по другому приказу. Он просмотрел приложенную ведомость, нашёл соответствующую строку и вызвал секретаря.

– Кто составлял?

– Подьячий Тимофеев, государь. Проверял дьяк.

– Пусть оба явятся завтра с подлинными книгами. До тех пор никаких денег по этой росписи не выдавать.

Секретарь записал распоряжение и спросил, не потребуется ли сообщить о затруднении царице-матери: прежний порядок расходов был установлен ещё при регентстве.

Алексей покачал головой.

– Нет. Поднимите старые книги и разберитесь, откуда взялась лишняя сумма.

Когда служитель вышел, он вернулся к бумагам.

Предстояло ещё многое проверить, подписать и решить. В соседней комнате догорали свечи, за окнами скрипел снег под колёсами поздней повозки, а на столе постепенно росла стопка документов, уже прочитанных и отложенных для исполнения.

Алексей взял следующее донесение.

Он не позвал мать.

Ему даже не пришло в голову её позвать.

Глава 2. Сколько стоит посольство

Февраль – март 1712 года. Москва

Первую неприятность князю Куракину доставили не шведы, не польские чиновники и даже не казна.

Её принесла супруга одного из московских дворян, решившая, что предстоящее путешествие царицы Евдокии по германским землям представляет собой редкую возможность показать старшую дочь при европейских дворах.

Девице недавно исполнилось семнадцать. Она прекрасно танцевала, немного говорила по-немецки и, по уверениям матери, обладала столь приятным нравом, что непременно понравилась бы любой владетельной особе.

Князь выслушал всё это с обычной учтивостью.

– Сударыня, я нисколько не сомневаюсь в достоинствах вашей дочери. Но для поездки с государственным посольством их недостаточно.

– Помилуйте, князь! Она ведь могла бы состоять при царице. У Евдокии Фёдоровны будет столько приёмов, столько знакомств…

– Вероятно.

– И разве нельзя взять ещё одну девушку? Она совсем не прихотлива.

Куракин посмотрел на исписанный лист, лежавший перед ним.

– Скажите, сударыня, ваша дочь хорошо переносит долгую дорогу?

– Какую дорогу?

– Обыкновенную. Весеннюю, с разбитыми колеями, ночлегами где придётся и необходимостью иногда ехать по десять часов. Не обещаю, что каждый день найдётся приличная постель. Бывает, что даже сухая.

Женщина поджала губы.

– Но ведь государыня…

– Государыня тоже поедет этой дорогой.

– У неё будут удобства.

– Мы постараемся. Однако шведский король едва ли согласится заключить мир прежде, чем мы получим возможность устроить хорошую гостиницу для вашей дочери.

Он говорил без насмешки, с таким серьёзным видом, что гостья некоторое время не находилась с ответом.

– Вы хотите сказать, что моя просьба неуместна?

– Хочу сказать, что у меня нет основания представить её государю. Если ваша дочь владеет языками настолько, чтобы переводить дипломатические письма, я готов устроить ей испытание. Если же речь идёт о знакомстве с иностранными дворами, вам лучше дождаться другого случая.

На том беседа закончилась.

Когда посетительница ушла, Куракин велел не принимать больше прошений о включении в посольство без письменного указания служебных обязанностей просителя.

Секретарь, молодой человек с болезненно серьёзным лицом, осторожно заметил, что подобные прошения продолжат поступать.

– Разумеется, – ответил князь. – Но теперь у нас будет бумага, на основании которой можно отказывать.

Он взял следующий документ.

Вот эта бумага радовала его значительно меньше.

Казна предварительно отпускала средства на подготовку поездки, однако часть расходов разрешалось производить только по подтверждённым счетам. Условия выглядели разумно, пока речь шла о закупках в Москве. Но за границей деньги потребуются на почтовых станциях, при найме лошадей, на переправах и в городах, где никто не станет ждать, пока из России доставят разрешение на очередную выплату.

Князь перечитал распоряжение, положил рядом расходную роспись и поморщился.

Экономить, конечно, следовало.

Но желательно было при этом всё-таки доехать до Любека.

К концу февраля Евдокия убедилась, что мирное посольство способно требовать приготовлений ничуть не меньше военного похода.

Разница состояла в том, что военачальники обычно знали, куда направляются их полки. Здесь же окончательное место переговоров оставалось предметом переписки.

Предварительно обсуждался Любек. Его положение среди северогерманских торговых городов делало такой выбор удобным для посредников, но шведская сторона ещё не подтвердила согласия.

Евдокия принимала Куракина в комнате, где теперь собирались посольские бумаги. На столе лежала карта, возле чернильницы – несколько переводов писем, полученных за последние дни. У стены стоял дорожный сундук для документов, который князь велел принести, чтобы проверить возможность безопасного хранения грамот в пути.

Сундук был настолько тяжёл, что двое служителей внесли его с заметным усилием.

– Если вы собираетесь возить с собой всю эту переписку, – заметила Евдокия, – придётся выделить для неё отдельную повозку.

– Большую часть оставим в Москве. Возьмём необходимые подлинники, инструкции и списки. Но даже это потребует осторожности.

– Тогда сначала разберёмся, что действительно необходимо.

Куракин раскрыл папку с документами.

Он подготовил перечень обязательных грамот, примерный порядок их хранения и список языков, на которых могла понадобиться официальная переписка. Евдокия просмотрела записи, уточнила несколько обстоятельств и остановилась на вопросе переводов.

– Наших людей достаточно?

– Для обычных писем – да. Для договорных статей я потребую независимой проверки. Немецкий и французский тексты мы сумеем приготовить. Со шведским сложнее, особенно когда речь пойдёт о торговых обычаях.

Князь объяснил, что разница между значением слова в дипломатическом письме и в купеческом соглашении иногда оказывалась весьма существенной. Ошибку в описании груза ещё можно было исправить до отправки товара. Неверно записанное обязательство государств могло обойтись намного дороже.

– Прэст справится? – спросила Евдокия.

– Завтра проверим. Предварительное согласие на его участие уже имеется, но я хочу видеть, как он работает с настоящими документами. Рекомендации – вещь полезная, однако ошибки в них исправлять легче, чем в мирном договоре.

– Пригласите его вместе с переводчиками.

– Уже приглашён.

Евдокия улыбнулась.

– Вы всё предусмотрели, князь?

– Пока только неприятности, которые можно предвидеть.

– А остальные?

– По обыкновению явятся сами.

Он подвинул карту. На ней были отмечены возможные дороги через Смоленск и земли Речи Посполитой, а дальше – несколько направлений к германским городам.

Достаточных гарантий свободного проезда пока не было.

– Если выедем слишком рано, – заметил Куракин, – можем простоять на чужой границе дольше, чем проведём в дороге.

– Значит, будем добиваться охранных грамот заранее.

– Именно. Причём от тех, кто действительно способен обеспечить их исполнение. Обещание одного посредника ещё не заставит местного начальника открыть ворота.

Евдокия изучила карту.

Она хорошо представляла себе расстояния, но давно усвоила, что между проведённой на бумаге линией и настоящей дорогой иногда лежит целая пропасть. Особенно весной, когда распутица могла задержать даже хорошо подготовленный обоз.

– Оставьте несколько возможных путей, – сказала она. – Окончательно выберем после получения грамот.

Куракин согласился. На этом разговор о дороге пока закончился.

Прэст появился на следующий день прежде назначенного часа.

На нём был тёмный кафтан хорошего сукна, без нарочитой роскоши, но с той аккуратностью, которая выдавала человека, привыкшего следить за собственным видом. Сапоги были тщательно вычищены, хотя московские улицы в конце зимы превращали подобную заботу почти в бессмысленное занятие.

Евдокия принимала его вместе с Куракиным и двумя приказными переводчиками.

На столе лежали торговые письма, записи о ценах на корабельный лес и пеньку, а также несколько прежних договорных формулировок.

– Господин Прэст, – начал Куракин, когда все разместились, – сегодня нас интересует не ваше умение вести любезную беседу, а знание северной торговли. Если вы обнаружите ошибку в предложенных бумагах, не стесняйтесь её назвать.

– В таком случае, ваше сиятельство, я постараюсь не обидеть их составителей.

– Они переживут.

Евдокия пододвинула Прэсту одну из записок.

– Предположим, шведы пожелают получить часть возмещения товарами. Что может вызвать спор?

Он быстро просмотрел лист.

– Прежде всего стоимость. Цена товара в русском порту, цена после доставки или сумма, за которую его можно продать на месте? Если оставить это без объяснения, обе стороны впоследствии обнаружат, что другая должна им больше, чем предполагалось.

– Поясните.

– Допустим, вы обязались передать корабельный лес на определённую сумму. В России он стоит одних денег. Но его ещё нужно доставить, сохранить, выгрузить. Если шведы начнут считать по цене в собственном порту, появятся дополнительные расходы. Если русская сторона – по цене возле места заготовки, спор будет ещё веселее.

– Вы предлагаете включить доставку в расчёты?

– Я предлагаю решить этот вопрос до того, как кто-нибудь поставит подпись.

Куракин одобрительно кивнул.

– А если стороны не сойдутся в оценке?

– Можно заранее определить место передачи и порядок оценки товара. Но тогда потребуются купеческие свидетельства. Желательно от людей, которые не рассчитывают разбогатеть на разнице.

– Таких существует много? – спросила Евдокия.

Прэст задумался с видом человека, пытающегося припомнить редкое животное.

– Некоторые уверяют, что встречали.

Один из переводчиков не удержался от улыбки.

Разговор продолжился уже на немецком языке. Куракин предложил Прэсту прочитать несколько торговых условий, затем дал ему шведский текст и попросил объяснить различие между двумя формулировками. Прэст справился без долгих размышлений, хотя в одном случае предпочёл свериться со словарём.

– Здесь слово допускает два толкования, – заметил он, подвигая лист князю. – Для простого купеческого письма это не беда. Но если речь пойдёт о поставках по договору, я бы потребовал более точного выражения.

Куракин посмотрел на переводчиков. Старший подтвердил, что замечание справедливо.

Евдокия слушала внимательно.

За годы управления она научилась отличать уверенность знатока от уверенности человека, которому просто нравится собственный голос. Прэст без труда объяснял то, что знал, и не пытался скрыть случаи, когда требовалась проверка. Он разбирался в торговых обычаях, понимал особенности обращения денег в разных городах и обладал заметным умением находить общий язык с людьми.

По окончании проверки Куракин велел подготовить окончательные служебные записи о его участии в посольстве и назначил день, когда следовало явиться для оформления жалованья.

– Надеюсь, господин Прэст, у вас не возникнет затруднений с подтверждением прежней службы?

– Никаких, ваше сиятельство.

– Прекрасно. Тогда завтра с утра.

– Я начинаю понимать, что государственная служба требует от человека гораздо большей решимости, чем морская торговля.

– Привыкнете.

Евдокия улыбнулась.

– А жалованье обсуждайте с князем. Я в это дело вмешиваться не стану.

– Вот теперь, государыня, я действительно понял, что поступил на службу.

Когда Прэст вышел, Куракин собрал проверенные бумаги.

– Полезный человек, – заметила Евдокия.

– В торговых делах весьма полезный.

– Но вы им недовольны?

– С чего вы взяли?

– Вы смотрели на него так, будто он собирался продать вам собственный кафтан.

Князь позволил себе улыбку.

– Он бы сумел назвать хорошую цену. Однако меня пока устраивает мой собственный.

Евдокия рассмеялась.

Куракин не собирался объяснять ей, что осторожность в отношении иностранного торговца была такой же частью его службы, как проверка грамот и денежных расходов. Прэст работал с купцами разных государств, имел многочисленные знакомства и привык свободно разговаривать даже с теми, кого видел впервые. Именно за эти качества его и приглашали.

Прэст вернулся домой ближе к вечеру.

Он жил в небольшом доме, где снимал несколько комнат. Здесь хранились его книги, деловые записи и вещи, накопившиеся за годы московской жизни. На столе возле окна лежали письма, полученные за последние дни, среди них – приглашение от старого знакомого, уже несколько лет занимавшегося торговлей в германских землях.

Прэст переоделся, велел принести горячее питьё и сел отвечать на корреспонденцию.

Первое письмо было обыкновенным купеческим. Он сообщал, что весной, вероятно, окажется в германских городах и рассчитывает обсудить несколько торговых вопросов. Просил прислать сведения о ценах на пеньку и корабельный лес, а также о положении на северных рынках.

Второе он написал на отдельном листе, значительно меньшем.

Адресат находился среди людей, поддерживавших связь со шведской стороной. От него Прэст уже получал поручения и передавал сведения, которые могли интересовать Стокгольм.

Сейчас сообщать было особенно нечего.

Прэст известил о своём включении в русское посольство, назвал предполагаемое направление поездки и отметил, что окончательное место переговоров ещё не утверждено. Всё это уже обсуждалось достаточно открыто. Содержания государевых инструкций он не видел, как не имел доступа к закрытой переписке Куракина.

Закончив, Прэст перечитал оба письма. Первое отложил к обычной торговой почте. Второе запечатал и убрал отдельно.

Человек, которому предназначался пакет, должен был зайти на следующий день.

Прэст задул лишнюю свечу и подошёл к окну. За оградой медленно двигались сани с каким-то важным чиновником, закутанным в меха до самых глаз. На противоположной стороне улицы дворник сгребал снег, уже смешанный с грязью.

Поездка обещала быть интересной.

Особенно если царица Евдокия продолжит задавать вопросы, на которые действительно стоило отвечать.

В начале марта казённый служащий явился к Куракину с известием, что часть расходов нельзя произвести в предложенном порядке.

Для некоторых закупок требовались заранее отпущенные деньги, тогда как казна предпочитала оплачивать уже подтверждённые счета.

Князь велел принести прежние расходные книги дальних посольств.

Вопрос осложнялся тем, что один из купцов, взявшийся поставить дорожные припасы, не желал заранее называть полную стоимость доставки до Смоленска. Он ссылался на весеннюю распутицу, дороговизну корма и возможность непредвиденных задержек.

Куракин пригласил его для объяснений.

Купец, плотный бородатый человек с уверенной манерой держаться, долго рассказывал о тяжёлых временах и убытках, которые могут постигнуть честного торговца.

– Я ведь не прошу лишнего, ваше сиятельство. Только чтобы по справедливости. Дорогу заранее никто не угадает.

– Именно поэтому я предлагаю вам назвать сумму, за которую согласны доставить припасы, – ответил Куракин. – Если не можете, мы найдём другого поставщика.

– Так ведь может и мост снести!

– Тогда вы не сможете доставить товар и по более высокой цене.

Купец обиделся. Он уверял, что служит государству верой и правдой, однако после предложения отказаться от подряда заметно смягчился.

Договорились о твёрдой цене на первую поставку с определённым местом передачи. Дальнейшие припасы посольство должно было приобретать по мере движения, опираясь на заранее собранные сведения о возможных поставщиках.

Для Куракина это было лишь частью гораздо более серьёзной задачи.

Ему предстояло получить такой порядок финансирования, при котором люди могли бы расплачиваться в дороге, а казна – проверять расходы после их совершения.

Он представил Алексею короткую записку, приложив примеры прежних посольских расчётов. На совещание пригласили и казённого служащего.

Государь внимательно выслушал объяснения обеих сторон.

– Значит, вы можете выдать деньги только после получения счёта? – спросил он у казначея.

– Если расход заранее не определён, государь, требуется особое разрешение.

– А на почтовой станции нам дадут лошадей в долг до возвращения гонца из Москвы?

Служащий смутился.

– Полагаю, нет.

– Тогда следует определить пределы, в которых посольство может расходовать деньги самостоятельно. Крупные выплаты – с отдельным подтверждением. Остальные записывать в дорожные книги, сохраняя свидетельства, где их возможно получить.

Куракин добавил, что за расходами будут наблюдать назначенные люди, причём один станет вести запись, а другой – проверять получение товара и произведённые выплаты.

Государь утвердил такой порядок. Он также распорядился заранее определить сумму, которую посольство получит до отъезда, и представить расчёт предполагаемых расходов на содержание людей за границей.

Куракин вышел с необходимыми распоряжениями и без особого удовольствия обнаружил, что ему теперь предстоит разбираться с денежными обычаями германских городов.

Здесь вновь пригодился Прэст.

Он объяснил, что рассчитывать исключительно на русские деньги в путешествии неудобно, а иногда и невыгодно. В одних городах их примут по одному курсу, в других потребуют обмена через местных торговцев. Для значительных платежей можно использовать купеческие переводные письма, но лишь через проверенные дома, способные выполнить обязательство в назначенном месте.

Куракин потребовал перечень таких домов и распорядился проверить рекомендации через имеющиеся дипломатические связи.

– Надеюсь, вы понимаете, господин Прэст, что я не собираюсь доверять посольские деньги первому вашему знакомому.

– Я бы и собственные ему не доверил, ваше сиятельство.

– Приятно слышать.

– Особенно учитывая, сколько первых знакомых приобретаешь в торговле.

Князь посмотрел на него поверх очков.

– Дайте мне список.

Прэст с готовностью обещал представить его к следующему утру.

С охранными грамотами дело продвигалось медленнее.

Посольству предстояло пересечь земли, принадлежавшие различным государям и властям. Даже там, где формально существовали дружественные отношения, местный начальник мог задержать проезд или потребовать подтверждения полномочий.

Куракин заранее направил запросы через доверенных людей. Ответы приходили с разной скоростью. Некоторые отличались любезностью и полной неопределённостью, другие подробно перечисляли условия, третьи обещали содействие, но обходили молчанием вопрос о вооружённом сопровождении.

Евдокия ознакомилась с письмами в присутствии князя и Прэста.

– Здесь слишком много людей, заинтересованных в том, чтобы узнать наши намерения, – заметила она, указывая на один из возможных участков пути.

Прэст наклонился к карте.

– Но дорога удобнее, государыня. Если менять направление ради каждого любопытного, придётся объехать половину Европы.

– Между любопытством и возможностью задержать посольство есть разница, – возразил Куракин. – Нам нужны гарантии проезда, которым можно доверять.

– Разумеется. Но любой объезд потребует новых остановок и расходов.

Евдокия дала им договорить. В таком споре оба были по-своему правы: Куракин заботился о безопасности и дипломатических последствиях, Прэст лучше представлял практические сложности пути.

Князь предложил сохранить два предварительных направления, не объявляя окончательного маршрута до получения недостающих грамот.

– Если понадобится объезд, – пояснил он, – мы потеряем несколько дней, но не окажемся перед закрытыми воротами без всякого другого выхода.

– Так и сделаем, – согласилась Евдокия.

Вопрос был решён настолько, насколько позволяли обстоятельства. Дальнейшее зависело от чужих ответов.

В марте Москва понемногу начала оттаивать.

Днём с крыш капало, у ворот дворца снег темнел от грязи, а на улицах появлялись глубокие колеи, заполненные мутной водой. По утрам ещё прихватывало морозом, но к полудню лошади с трудом вытаскивали повозки из размокшей дороги.

Евдокия с неудовольствием наблюдала за этим из окна.

Отправляться слишком рано не имело смысла, однако задержка тоже могла обойтись дорого. Ещё не было окончательно известно, когда именно удастся начать переговоры, а иностранные посредники продолжали присылать предложения, которые требовали новых уточнений.

Зато внутри посольства всё постепенно приходило в порядок.

Переводчики получили свои обязанности, секретарям приготовили необходимые списки документов, охране определили порядок службы за пределами России. Для людей, которые должны были сопровождать царицу, предусмотрели дорожное содержание и возможность обращаться за помощью при болезни.

Евдокия отдельно поговорила с назначенным лекарем.

Пожилой немец, служивший при русском дворе уже много лет, принёс перечень необходимых лекарств, перевязочных материалов и инструментов.

– Вы рассчитываете лечить всё посольство или открыть аптеку в Любеке? – спросила она, увидев список.

– Если ваши люди будут благоразумны, государыня, половина этого мне не понадобится.

– А если нет?

– Тогда и второй половины может не хватить.

Он объяснил, какие средства потребуются на случай лихорадки, ран, кишечных болезней и обычных дорожных повреждений. Евдокия велела позаботиться о сохранности лекарств, достаточном запасе чистого полотна и предварительном осмотре сопровождающих.

На этом медицинские приготовления поручили самому лекарю. Он знал свою службу и не нуждался в ежедневных указаниях.

Несколько дней спустя Куракин показал Евдокии сводную роспись расходов. В ней отдельно значились содержание людей, перевозка необходимых вещей, проезд, почтовые услуги, предусмотренные подарки и запас на непредвиденные обстоятельства.

Итоговая сумма не доставила ей удовольствия.

– Дорого, – заметила она.

– Дешевле было бы отправить несколько писем, – согласился Куракин.

– Мы их и так отправляем.

– Но ответы пока не приблизили нас к миру настолько, насколько хотелось бы.

Евдокия закрыла книгу.

– Значит, придётся ехать.

Князь не стал возражать.

В один из последних мартовских дней Евдокия отправилась посмотреть, как идут заключительные приготовления.

Во дворе возле хозяйственных построек стояли повозки, предназначенные для перевозки дорожного имущества. Работники укладывали сундуки, проверяли крепления, защищали от сырости вещи, которым предстояло перенести несколько недель пути.

Куракин встретил её возле навеса.

– Если вас интересует, всё ли здесь готово, государыня, придётся ответить: почти.

– Это обнадёживает.

– Особенно по сравнению с началом месяца.

Она прошла вдоль повозок, остановившись возле одной, куда укладывали ящики с документами.

Молодой служащий с расходной книгой в руках сверял отметки на упаковках. Когда работники попытались перенести один из ящиков в другую повозку, он остановил их и указал на запись, согласно которой груз должен был находиться вместе с остальными бумагами канцелярии.

Евдокия обратила на него внимание.

– Кто это?

Куракин назвал молодого человека и коротко объяснил, что тот несколько лет занимался приказными расчётами и оказался особенно полезен при подготовке дорожных книг.

– Надёжен?

– Пока не подвёл.

Служащий тем временем закончил проверку, исправил пометку в книге и распорядился перенести следующий ящик.

Евдокия хотела подойти и расспросить его об учёбе, но молодой человек уже был занят новым делом. Она не стала отвлекать.

Из-за соседней повозки появился Прэст.

В руках он держал кожаный футляр с дорожными записями. Увидев царицу, поклонился.

– Государыня, князь Куракин намерен заставить нас путешествовать с весьма скромными удобствами.

– Надеюсь, вы переживёте.

– Несомненно. Но если после заключения мира кто-нибудь потребует показать ему все прежние цены на пеньку, я буду вынужден признаться, что часть бумаг осталась в Москве.

– Значит, запомните цены.

– Боюсь, моя память стоит дороже ещё одного сундука.

– Тогда постарайтесь оправдать жалованье.

Прэст приложил руку к груди.

– Сделаю всё возможное.

Куракин, стоявший рядом, заметил:

– Кроме того, что требует ещё одного сундука.

Прэст поклонился и ему.

– Разумеется, ваше сиятельство.

Когда он отошёл, Евдокия посмотрела на князя.

– Вы с ним когда-нибудь договоритесь?

– По вопросам, в которых он понимает больше меня, непременно. В остальных ему придётся довольствоваться моим мнением.

Они продолжили осмотр.

За воротами скрипели колёса. Снег на улицах почти сошёл, но весенняя грязь пока делала движение тяжёлым. До настоящего отъезда оставалось ещё некоторое время.

Евдокия остановилась возле крыльца.

– Если окончательного ответа о месте переговоров не будет до апреля, придётся изменить сроки.

– Я предусмотрел такую возможность. До Смоленска нам всё равно не стоит отправляться прежде, чем сможем уверенно двигаться дальше.

– Значит, ждём грамот.

– И известий от посредников.

Куракин проводил её к карете, дождался, пока она сядет, и вернулся к своим людям.

Вечером князь представил Алексею очередной доклад о состоянии посольства.

На этот раз он обошёлся без подробного перечисления расходов. Государю требовалось знать, что уже сделано, какие препятствия остаются и при каких условиях поездка сможет начаться.

– Люди назначены, основные приготовления выполнены, деньги отпущены по утверждённому порядку, – сообщил Куракин. – Недостающие грамоты ожидаем. Если их получим вовремя, посольство сможет отправиться весной.

Алексей просмотрел представленную выписку.

– А если не получим?

– Тогда задержимся. Я не советовал бы рисковать царицей ради нескольких дней.

– Согласен.

Государь отложил бумагу. В разговоре с Куракиным ему нравилось, что тот редко скрывал неприятные обстоятельства за любезными выражениями. Впрочем, это не мешало князю отстаивать свои предложения с упорством, которое Алексей уже успел оценить.

– Сколько денег потребуется ещё?

Куракин назвал предусмотренный резерв и объяснил, какие расходы могут возникнуть в случае изменения маршрута. Царь выслушал, уточнил одну статью и велел пока ничего сверх установленного не отпускать без отдельного обоснования.

– Мы уже потратили немало, а переговоры ещё не начались.

– Да, государь. Однако продолжение войны тоже имеет цену.

Алексей задержал взгляд на книге.

– Я знаю.

Он сам видел, сколько средств требовалось на содержание гарнизонов, военные припасы, укрепления и дороги. Мир мог освободить значительную часть этих денег для других дел, но условия ещё предстояло выторговать. Кроме того, Швеция едва ли согласится уступить балтийские владения без серьёзного возмещения.

– Берегите матушку, князь, – сказал он, закрывая книгу.

– Сделаю всё возможное.

Куракин поклонился и вышел.

На лестнице его ожидал секретарь с очередными письмами. Среди них находился пакет из германских земель, доставленный через посредников.

Князь узнал печать и велел принести свечу ближе.

Он вскрыл письмо, прочёл первые строки, затем вернулся к началу и перечитал внимательнее.

Посредники подтверждали готовность продолжать подготовку встречи в Любеке. Предлагалось приступить к согласованию порядка приёма делегаций и необходимых охранных грамот.

Шведское окончательное согласие ещё ожидалось.

Куракин передал письмо секретарю.

– Приготовьте перевод к утру. И велите доложить государю, что пришёл новый ответ. Отдельно отметьте: посредники готовы, но подтверждения от шведской стороны пока нет.

Секретарь поклонился и поспешил в канцелярию.

Куракин ещё раз посмотрел на письмо, прежде чем убрать его в папку.

Теперь всё зависело от того, что ответит Карл XII.

Глава 3. Оставшийся государь

Март – май 1712 года. Москва

В конце марта тётушка Наталья Алексеевна объявила, что московскому двору совершенно необходимо небольшое представление.

Алексей узнал об этом за ужином.

– Только не говори, что собираешься опять заставить меня изображать какого-нибудь древнего царя, – попросил он.

– Ты теперь настоящий царь, племянничек. Зачем тебе изображать другого? – Наталья отломила кусочек хлеба и с удовольствием обмакнула его в подливу. – Представление будет для Шарлотты. Надо же показать ей, что мы здесь умеем развлекаться.

– Я уже видела несколько представлений, – напомнила молодая царица.

– Вот именно, несколько! А тебе ещё всю жизнь с нами жить. Надобно с самого начала устроить так, чтобы не заскучала. Я выбрала комедию, вполне пристойную, даже Стефан Яворский, пожалуй, не найдёт к чему придраться. Хотя он человек способный, если захочет, обязательно найдёт.

Евдокия с интересом посмотрела на золовку. Когда Наталья заговаривала о театре, спорить становилось бесполезно. Она могла неделями хлопотать о костюмах, переписывать неудачные сцены и добиваться от исполнителей нужного выражения лица с упорством, которое принесло бы немало пользы какому-нибудь государственному учреждению. Впрочем, к подобной службе царевна совершенно не стремилась.

– И о чём комедия? – спросила Евдокия.

– О молодой вдове, которую родственники пытаются выдать замуж. У неё два жениха: один богатый, другой родовитый. Оба уверены, что оказывают ей величайшую честь.

Шарлотта заинтересовалась. Она положила ложку и попросила рассказать, кого в конце концов выберет героиня.

– Пока никого, – призналась Наталья. – Всё думаю над концом. Уж очень оба хороши в своей глупости, жалко отдавать женщину хоть одному.

– Тогда пусть останется вдовой, – предложила Шарлотта. – Если у неё есть собственное имение и она умеет им управлять, зачем ей торопиться?

Наталья довольно посмотрела на Евдокию.

– Слышала? А я говорила, что девочка с характером. Вот и конец нашёлся.

Алексей улыбнулся жене. Та слегка смутилась от похвалы, но уже через мгновение принялась расспрашивать царевну о костюмах и о том, кто станет исполнять женские роли. Наталья охотно пустилась в объяснения, а Евдокия занялась ужином, лишь изредка прислушиваясь к их разговору.

В Москве ещё держались остатки зимнего холода. На окнах столовой по утрам выступал иней, хотя днём солнце уже прогревало крыши. Служители всё чаще приносили известия о плохих дорогах: снег таял, вода собиралась в колеях, а там, где недавно легко проходили сани, теперь увязали телеги. Для Евдокии это имело вполне определённое значение. Посольство готовилось к отъезду, но весенняя распутица могла задержать дорогу сильнее любого иностранного чиновника.

Она как раз собиралась спросить, не поступили ли новые сведения от Куракина, когда Наталья неожиданно сменила тему.

– Кстати, Алексей, завтра к тебе опять придут просить о назначении. И, полагаю, день выдастся занимательный.

– У меня почти каждый день такие посетители, тётушка.

– Эти особенные. Лопухины с Нарышкиными никак не поделят одно место. Уже неделю каждый уверяет знакомых, что именно его родич государству необходим.

Евдокия отложила ложку.

– Какое место?

– При северных поставках, кажется. В подробности меня не посвятили. Зато оба семейства сочли нужным объяснить, сколько пользы принесут государю их люди.

Алексей посмотрел на тётку с подозрением.

– И что ты им ответила?

– Что государь сам разберётся. Что же ещё? Впрочем, не сердись на них заранее. У людей семьи, дети, родичи. Каждый хочет пристроить своих получше. Это ещё не значит, что человек непременно худой.

Она произнесла последние слова уже серьёзно. Наталья прекрасно знала московский двор и не считала семейные обязательства чем-то постыдным. Сама она не раз хлопотала за людей, которых считала способными. Другое дело, что просить и требовать – вещи разные.

– Завтра посмотрим, – ответил Алексей.

Евдокия хотела уточнить, кто именно претендует на должность, но остановилась. Если вопрос действительно касался снабжения северных гарнизонов, у сына имелись служащие, способные представить ему необходимые сведения. Наталья тем временем уже рассказывала Шарлотте, как однажды приглашённый исполнитель перепутал выходы и появился на сцене прежде, чем его герой успел родиться по ходу пьесы.

Шарлотта смеялась, пытаясь представить подобное происшествие, а Алексей наконец получил возможность спокойно доесть.

На следующее утро в государевой приёмной было людно.

Дворяне, ожидавшие аудиенции, разговаривали негромко, время от времени поглядывая на дверь кабинета. Служители принимали верхнюю одежду, приносили горячее питьё, убирали пустые чашки. Из соседней комнаты тянуло теплом натопленной печи и запахом воска. У одного из окон стоял пожилой проситель, бережно прижимавший к груди свёрток бумаг, перевязанных тесьмой.

Алексей принимал посетителей поочерёдно. Сначала разбирали наследственный спор, затем жалобу на неправильное взыскание. После них пришёл служилый человек с сыном, которого хотел оставить ещё на год в училище. Юноша показывал хорошие успехи в счёте и черчении, но родственники требовали отправить его на службу немедленно.

Государь попросил представить сведения об учёбе и, выяснив, что наставники действительно довольны учеником, разрешил продолжить занятия при условии, что тот не станет пренебрегать установленной подготовкой к службе.

Молодой человек поклонился так низко, что едва не ударился лбом о край стола. Отец поспешил увести его, пока благодарность не превратилась в новое прошение.

Следующим вошёл Савва Андреевич Лопухин.

Он был уже немолод, с тяжёлой поступью, густыми седыми бровями и привычкой держать плечи прямо, даже когда уставал. За ним следовал племянник Иван, одетый в новый кафтан хорошего сукна. Молодой человек выглядел старательно, но несколько скованно; вероятно, последние дни он провёл, повторяя приготовленные ответы.

После положенного приветствия Савва Андреевич заговорил о службе. Он узнал, что при надзоре за доставкой припасов к северным гарнизонам требуется надёжный человек, и хотел предложить Ивана.

– Парень к хозяйству приучен с малых лет, государь. Счёт знает, приказчиков держать умеет. Не гуляка, не мот, зря копейки не истратит. Я за него ручаюсь.

Алексей обратился к самому Ивану.

Тот рассказал, что занимался управлением несколькими семейными имениями, проверял сбор хлеба, принимал отчёты от приказчиков и следил за поставками продуктов для дворовых людей. Говорил он достаточно толково. В устройстве большого хозяйства действительно разбирался и, судя по всему, не привык перекладывать всю работу на других.

Однако опыта гарнизонного снабжения у него не было.

– Если потребуется, научусь, государь, – сказал Иван, когда Алексей спросил об этом прямо. – Не боюсь службы.

Савва Андреевич одобрительно кивнул.

– Вот и я говорю. Человек он усердный, к тому же род наш всегда государям верен был.

Последние слова прозвучали с особенным нажимом. Алексей хорошо понимал их значение. Лопухины оставались роднёй царицы-матери, людьми, которые не раз помогали семье в трудные времена и рассчитывали, что о прежней верности не забудут.

Он поблагодарил Ивана за ответы и обещал рассмотреть его кандидатуру вместе с остальными.

Савва Андреевич явно ожидал большего. Несколько мгновений он стоял молча, сжимая шапку, затем спросил, нельзя ли решить дело скорее: племяннику требовалось определиться со службой до начала летних разъездов.

– Я не стану назначать человека, пока не узнаю, что именно ему придётся делать, – ответил Алексей. – Если Иван подходит, место найдётся. Его хозяйственный опыт я учту.

Старший Лопухин поклонился без особого удовольствия.

Когда они вышли, государь попросил принести сведения о северных поставках, но секретарь напомнил, что аудиенции ожидает ещё один посетитель. На этот раз из Нарышкиных.

Алексей невольно вспомнил вчерашнее предупреждение Натальи.

Нарышкин оказался моложе Саввы Андреевича и держался свободнее. Претендента он с собой не привёл, зато приготовил письменные свидетельства его прежней службы. Фёдор Нарышкин неоднократно сопровождал казённые грузы на северо-запад, знал дороги и имел рекомендации нескольких начальников.

– Он сейчас в отъезде по семейному делу, государь, но к назначению вернётся, – пояснил посетитель. – Человек опытный, не станет учиться за казённый счёт тому, что давно умеет.

Алексей просмотрел представленные сведения. Некоторые поручения действительно были выполнены исправно, однако по двум отчётам имелись вопросы: расходы на перевозку значились без необходимых подтверждений.

– Пусть Фёдор представит полные книги и явится ко мне после возвращения, – распорядился он. – Я хочу узнать, отчего в этих записях недостаёт расписок.

Нарышкин попытался объяснить, что в дороге всякое случается, особенно когда припасы приходится доставлять зимой. Это было справедливо, и Алексей не стал спорить. Но отсутствие документов от этого не исчезало.

– Если он хорошо служил, ему будет чем подтвердить службу, – сказал государь.

Посетитель поклонился. Уходил он сдержанно и учтиво, хотя по выражению лица нетрудно было догадаться, что рассчитывал на иной исход.

К середине дня Алексей получил две рекомендации на одну должность, но всё ещё не знал главного: кто из предложенных людей способен наладить проверку поставок, из-за которых в последние месяцы возникали постоянные споры между отправителями и гарнизонными начальниками.

Именно это предстояло выяснить.

Вечером Шарлотта обнаружила мужа за письменным столом.

Она вошла со служанкой, принесшей поднос с горячим питьём, и остановилась, увидев разложенные бумаги. Алексей поднял голову, улыбнулся ей и обещал скоро закончить, но Шарлотта уже слышала подобное обещание прежде. Она велела поставить поднос, отпустила служанку и устроилась в кресле возле стола.

В руках у неё был свёрток писем от родных.

– Мать спрашивает, достаточно ли у меня тёплой одежды, привыкла ли я к московской зиме и хорошо ли ты со мной обращаешься, – сказала она, разворачивая верхний лист. – Последнему уделено довольно много места.

– Надеюсь, ты её успокоишь.

– Я написала, что ты добр ко мне, но слишком часто забываешь обедать. Боюсь, теперь она станет присылать советы о твоём здоровье.

Алексей рассмеялся и попросил показать письмо. Шарлотта передала ему лист, указав несколько строк, которые хотела перевести особенно точно. Они немного поговорили о её семье, о том, когда удастся отправить ответ и можно ли будет передать некоторые письма через посольство Евдокии.

Затем Шарлотта заметила лежавшее на столе прошение с фамилией Лопухиных.

– Сегодня ко мне приходила одна из твоих родственниц, – сказала она. – Очень любезная женщина. Рассказывала о молодом человеке, который будто бы скоро отправится служить на север. Я не сразу поняла, что она ждёт от меня помощи.

Алексей поморщился.

– Иван Лопухин?

– Кажется, так его зовут. Она говорила о нём с большой нежностью. Я не хотела её обидеть.

– И что ответила?

– Что незнакома с Иваном и ничего не знаю о его службе. Это ведь правда.

Алексей отложил письмо. Ему не нравилось, что родственники уже начали искать подходы к жене. Шарлотта ещё осваивалась при русском дворе и не всегда могла понять, когда любезность превращается в просьбу, от которой неловко отказаться.

– Если снова придут с подобным делом, отправляй ко мне, – сказал он. – Тебе незачем разбирать чужие назначения.

Шарлотта задумчиво провела пальцем по краю конверта.

– В моём доме тоже просили покровительства. Отец иногда помогал, если знал человека. И я понимаю эту женщину: она хочет устроить родственника получше. Только мне показалось странным, что она просила за него прежде, чем рассказала, что он умеет.

– Умеет он достаточно для хорошего хозяйства, – ответил Алексей. – Возможно, даже для государственной службы. Но та должность, о которой хлопочут, требует совсем другого опыта.

Он объяснил жене, что речь идёт о проверке поставок для северных гарнизонов. В одних книгах значилось отправленное зерно, в других – принятое, а между ними порой исчезали целые партии припасов. Иногда по причине воровства, иногда из-за задержек и плохого учёта.

Шарлотта слушала внимательно, не перебивая. Когда муж закончил, она сказала:

– Тогда, наверное, самое обидное будет, если ты назначишь человека, который не справится. Ведь остальные узнают, что ты сделал это из-за родства.

Алексей посмотрел на неё.

– Именно.

Она помолчала, затем улыбнулась чуть виновато.

– Прости. Я пришла поговорить о письме, а мы опять обсуждаем государственные дела.

– Это я начал.

– Нет, твоя родственница. И, кажется, добилась своего: мы потратили на неё целый вечер.

Алексей убрал прошение в папку и встал из-за стола. Ему действительно хотелось отвлечься, и он предложил пройтись по крытой галерее, где ещё сохранялось тепло после дневного солнца.

Шарлотта согласилась. Пока он надевал кафтан, она сложила письма и положила их на край стола, чтобы позднее закончить ответ матери.

В галерее было прохладно. За окнами синел мартовский вечер, во дворе слуги переносили дрова, а вдоль стены под навесом стояли ещё не убранные сани. Шарлотта взяла мужа под руку. Она расспрашивала о садах, которые он обещал показать весной, и о книгах, привезённых для Натальи Алексеевны.

Алексей отвечал уже без прежней рассеянности. Через некоторое время они остановились у окна, наблюдая, как две служанки пытаются обойти большую лужу, образовавшуюся возле крыльца.

Одна из девушек всё-таки угодила башмаком в воду и сердито обернулась к смеющейся подруге.

Шарлотта невольно улыбнулась.

– Завтра я хотела выйти во двор. Пожалуй, придётся надеть что-нибудь совсем другое.

– Я велю приготовить тебе подходящую обувь.

– Не нужно. Я сама попрошу. А вот ты завтра обещал мне завтракать вместе.

– Помню.

– Хорошо.

Она ничего больше не прибавила, и Алексей с неожиданным удовольствием подумал, что ему не придётся давать ещё одно торжественное обещание. Достаточно будет утром действительно прийти к столу.

В первые апрельские дни Москва окончательно потеряла зимнюю опрятность.

Снег сходил с крыш, вода текла вдоль заборов, во дворах стояла грязь, которую дворники пытались победить соломой, песком и настилами из досок. Возле дворцового крыльца дважды за неделю пришлось менять деревянные сходни: после ночных заморозков на них было скользко, а днём они тонули в размокшей земле.

Наталья Алексеевна объявила, что весна – самое неподходящее время для придворных визитов, поскольку ни одна женщина не может выглядеть достойно, если всё её внимание занято сохранностью башмаков.

От своего представления она, разумеется, не отказалась.

К концу первой апрельской недели в одной из дворцовых зал приготовили возвышение для исполнителей. Поставили скамьи, принесли свечные стойки, укрепили полотняные зад-

ники. Наталья лично наблюдала за приготовлениями и успела поссориться с человеком, отвечавшим за освещение. Тот требовал уменьшить количество свечей, опасаясь пожара.

– А как, по-твоему, зрители лица разглядят? – возмущалась царевна. – Станут угадывать, кто жених, а кто его престарелая тётушка?

В конце концов свечей оставили достаточно, но возле сцены поставили дополнительные вёдра с водой и приставили служителей следить за огнём.

На представление пригласили ближних придворных, представителей нескольких знатных семейств и людей, чьё присутствие считалось желательным для молодой царицы. В зале пахло воском, нагретой тканью и духами. Женщины рассматривали наряды друг друга, мужчины разговаривали возле дверей, а Наталья появлялась то возле сцены, то среди зрителей, проверяя, всем ли нашлось место.

Евдокия устроилась рядом с Шарлоттой. Алексей сидел по другую сторону от жены и явно надеялся провести вечер без государственных разговоров.

Комедия оказалась значительно забавнее, чем обещал её незатейливый сюжет.

У молодой вдовы было два жениха. Первый хвастался богатством, второй родословной. Оба настолько увлекались перечислением собственных достоинств, что почти не слушали женщину, ради которой явились.

Когда первый объявил, что в его доме имеется сорок сундуков с добром, Шарлотта тихо заметила:

– Надеюсь, он не собирается заставлять её всё это перевозить.

Алексей прикрыл рот ладонью.

Евдокия тоже улыбнулась, но вскоре отвлеклась на зрителей. По другую сторону прохода сидели несколько женщин из Лопухиных. Одна из них смотрела на сцену с явным неодобрением. Чуть дальше расположились Нарышкины, которым комедия, похоже, нравилась гораздо больше.

Особенно громкий смех раздался после речи второго жениха, заявившего, что его предки служили государям так давно, что он уже не помнит, когда именно начали.

Евдокия невольно подумала, что Наталья, должно быть, получает от происходящего особенное удовольствие.

К концу представления вдова отвергла обоих женихов и объявила, что намерена самостоятельно управлять оставшимся от мужа имением, пока не встретит человека, с которым захочет разделить жизнь.

Первый немедленно предложил свои услуги в управлении, второй заявил, что женщина не способна распоряжаться хозяйством без мужской руки.

На это вдова потребовала показать хотя бы одного мужчину, который за последние полгода сумел бы собрать с её должников столько денег, сколько собрала она сама.

Зал встретил ответ смехом и одобрительными возгласами.

Наталья появилась после представления раскрасневшаяся, с растрепавшимися волосами и совершенно счастливая. Её окружили знакомые, поздравляли с удачной комедией, расспрашивали об исполнителях. Она принимала похвалы с удовольствием, но особенно оживилась, услышав мнение Шарлотты.

– Мне понравилась вдова, – сказала молодая царица. – Она очень хорошо знала, чего хочет.

– Вот за это её и хотели выдать замуж поскорее, – ответила Наталья. – Родственникам от таких женщин одно беспокойство.

Алексей заметил, что тётушка, пожалуй, сама могла бы сыграть главную роль.

– Я бы ещё и женихов по сцене гоняла, – согласилась она. – Но для этого потребовалась бы совсем другая комедия.

Когда поздравления закончились, семья направилась к выходу. Евдокия задержалась возле одной из придворных дам, которая хотела передать ей письмо перед отъездом, а Алексей с Шарлоттой прошли вперёд.

Возле дверей молодой царице пришлось остановиться: подол её платья зацепился за выступавшую доску. Алексей помог освободить ткань, и оба некоторое время рассматривали маленькую прореху возле шва.

– Придётся отдать портнихе, – вздохнула Шарлотта.

– Из-за такого пустяка?

– Если оставить, завтра будет больше.

Она осторожно подобрала подол и пошла дальше.

Алексей посмотрел ей вслед, затем оглянулся на зал, где ещё разговаривали гости. Несколько месяцев назад подобные вечера представлялись ему исключительно придворной обязанностью. Теперь он действительно отдыхал среди семьи, хотя государственные заботы никуда не исчезли.

Наутро Алексей велел представить ему подробные сведения о должности, которая вызвала столько семейного усердия.

Речь шла о проверке поставок для гарнизонов и казённых запасов на северо-западе. Основные военные распоряжения оставались за соответствующим начальством, но требовался человек, который мог бы сверять движение припасов, проверять местные записи и вовремя сообщать о недостачах.

За предыдущие месяцы обнаружилось несколько расхождений между тем, что было отправлено из внутренних областей, и тем, что значилось по прибытии. Не все расхождения означали хищение. Часть грузов задерживалась в дороге, некоторые приходили испорченными, а сведения из разных мест составлялись по неодинаковым правилам.

Сначала государю представили служебные сведения о двух родственниках.

Иван Лопухин обладал хорошим опытом управления большим хозяйством, но почти не знал военного снабжения. Фёдор Нарышкин неоднократно сопровождал казённые грузы, однако в представленных отчётах обнаружились пропуски, требовавшие объяснения. Ни тот ни другой не выглядел совершенно неподходящим, но оба нуждались в дополнительной подготовке.

Алексей приказал пригласить людей, непосредственно занимавшихся северными поставками.

Среди прибывших оказался молодой приказный служащий Михаил Беляев.

Ему было около двадцати пяти лет. Невысокий, узкоплечий, с обветренным лицом и натруженными пальцами, он выглядел значительно менее представительно, чем оба дворянских кандидата. Кафтан на нём был добротный, но уже ношеный, а из-под рукава виднелся след старого чернильного пятна.

Беляев несколько лет учился счёту и письму, затем работал при учёте казённых грузов. Последнюю зиму провёл в разъездах между местами хранения припасов, собирая сведения о задержках.

Когда его вызвали в кабинет, он принёс две книги и лист с собственными записями.

– Что у вас? – спросил Алексей.

– По прошлому году расхождения, государь. Здесь отмечено, сколько отправлено, здесь – сколько принято. А на третьем листе места, где недостающий товар ещё мог оставаться в пути.

– Мог?

– Я не везде получил подтверждение. Потому и записал отдельно.

Алексей придвинул одну из книг.

– Вот здесь указано, что отправлено пятьдесят бочек. Принято сорок две. Куда делись остальные?

– Четыре задержаны на промежуточном складе, государь. Две пришли позднее и записаны уже в другой месяц. Ещё по двум нет свидетельства о приёме.

– Значит, недостача – две?

– Пока да. Если найдутся расписки, может оказаться меньше.

Один из присутствовавших старших служащих заметил, что гораздо проще было бы сразу наказать человека, отвечавшего за отправку, и потребовать возмещения.

Беляев побледнел, но ответил:

– Если взыскать за восемь, государь, а пропали только две, казна получит деньги за товар, который уже принадлежит ей. А человек заплатит за то, чего не терял.

Алексей посмотрел на него.

– И сколько времени уйдёт на проверку?

– По этим грузам немного. Я уже запросил две недостающие расписки. Ответ должны прислать с ближайшей почтой.

– Почему раньше не сообщили?

– Сообщал. Но записи ушли в разные места, и никто не свёл их вместе.

Старший служащий нахмурился.

– Молодой человек, не следует говорить так, будто все вокруг ничего не понимают.

– Я этого не говорил, – поспешно ответил Беляев.

Алексей остановил начинавшийся спор.

Он задал ещё несколько вопросов: как проверять расходы на перевозку, каким образом учитывать испорченные припасы, кому докладывать о задержках. Беляев отвечал обстоятельно, иногда заглядывая в записи. Он явно боялся ошибиться перед государем, но ещё сильнее боялся назвать число, которого не мог подтвердить.

После разговора Алексей попросил присутствующих выйти, оставив лишь одного опытного служащего, хорошо знакомого с северными делами.

– Что скажете о Беляеве?

– Считает хорошо. Старательный. Только молод, государь, и перед дворянами робеет.

– Это я заметил.

– Если поставить его над всем делом, не каждый захочет слушать приказного человека.

Алексей задумался.

Для ведения книг, проверки поставок и выявления недостач Беляев подходил лучше обоих претендентов. Но должность требовала ещё и распоряжаться людьми, в том числе теми, кто считал происхождение достаточным основанием не слушать человека ниже себя по положению.

– А если назначить его для учёта и проверки, оставив распоряжение гарнизонным начальникам? – спросил царь.

– Тогда дело пойдёт. Особенно если дать ему прямое право докладывать о недостачах. И приказать местным начальникам предъявлять книги без отговорок.

Алексей велел подготовить проект такого распоряжения.

Вечером он вновь изучил сведения об Иване Лопухине и Фёдоре Нарышкине.

Лопухину можно было поручить хозяйственную службу, где тот смог бы приобрести необходимые навыки. Нарышкину следовало прежде объяснить расхождения в прежних отчётах. Если объяснения окажутся удовлетворительными, для него найдётся работа, соответствующая опыту.

Но проверку северных поставок Алексей решил доверить Беляеву.

Распоряжение не делало молодого человека начальником всех гарнизонных запасов. Ему предстояло вести сверку, требовать документы, сообщать о несоответствиях и представлять сведения государю через назначенных служащих. Для изменения самого порядка поставок потребуется отдельное решение.

На другой день Алексей подписал назначение.

Савва Андреевич Лопухин явился к Евдокии через два дня, с трудом скрывая обиду.

Государыня принимала его после обеда. В комнате ещё пахло печёными яблоками и горячим воском; возле окна служанка разбирала корзину с рукоделием, приготовленным к дороге. Евдокия велела ей выйти, когда увидела выражение лица родственника.

– Что стряслось, Савва Андреевич?

– Государь назначил на север какого-то приказного человека.

– Куда именно?

– При снабжении. Для проверки книг. А моего Ивана отправляет на службу под начало другого человека. Будто мальчишку!

Евдокия предложила гостю сесть.

Он сел, но продолжал возмущаться, сжимая в руках шапку.

– Иван у меня с малых лет к делу приучен. В хозяйстве толк знает. Не пьяница, не игрок. Разве худший человек, чем этот… писарь?

– Вероятно, не худший. Только служба у них разная.

– Государыня, ты ведь знаешь наш род. Разве мало мы потрудились для тебя и Алексея?

– Много, – согласилась Евдокия.

Савва Андреевич сразу оживился.

– Вот я и говорю…

– Но от этого Иван не стал лучше разбираться в гарнизонных запасах.

Родственник замолчал.

Евдокия знала его много лет. Он был человеком не особенно гибким, но вполне порядочным по меркам своего круга, заботился о семье, не позволял детям бездельничать и считал, что государева служба должна вознаграждать верность. В его обиде было немало семейной тревоги: Ивану требовалось устроить будущее, а старшему родственнику хотелось помочь.

– Алексей предложил Ивану другое место? – спросила она.

– Предложил. Только не то, на которое мы надеялись.

– Пусть попробует. Если справится, будет основание просить большего.

– Ты говоришь, будто мы чужие.

Вот это задело её сильнее.

Евдокия встала и прошлась к окну. За стеклом виднелась мокрая крыша соседнего строения. С карниза непрерывно капало, под ним уже образовалась большая лужа.

– Савва Андреевич, если бы Иван оказался способнее других, Алексей имел бы все основания назначить его. Но ты ведь сам говоришь, что ему ещё нужно учиться.

– Так и научился бы.

– Научится. Только начнёт там, где его ошибки не оставят гарнизон без хлеба.

Родственник вздохнул.

– Раньше с тобой проще было разговаривать.

– Раньше я тоже не каждую просьбу исполняла.

– Зато выслушивала.

Евдокия посмотрела на него и невольно улыбнулась.

– А сейчас, по-твоему, чем занимаюсь?

Савва Андреевич тоже не удержался от улыбки. Разговор постепенно потерял прежнюю остроту. Евдокия велела подать гостю горячего питья, расспросила о семье, о заболевшей внучке, о свадьбе племянницы. Тот рассказал о плохих весенних дорогах возле одного из родовых имений и пожаловался на приказчика, который третий год обещает починить мельничную плотину.

Когда он собирался уходить, обида ещё не прошла, но уже не мешала говорить спокойно.

У двери Савва Андреевич остановился.

– Ты всё-таки поговори с Алексеем. Не о должности. Просто скажи, что Иван служить готов.

Евдокия некоторое время смотрела на него.

– Пусть Иван хорошо начнёт службу. Тогда и мне будет чем похвалиться перед сыном.

Родственник покачал головой, однако спорить больше не стал.

После его ухода Евдокия вернулась к столу. Перед ней лежало письмо Куракина с очередными сведениями о подготовке посольства, но сосредоточиться сразу не получилось.

Она помнила Савву Андреевича молодым, ещё до монастыря, до смерти Петра, до всех перемен, через которые прошла семья. Тогда он нередко приносил вести о родных, помогал решать хозяйственные дела и искренне переживал за её судьбу. Даже когда они не соглашались друг с другом, между ними оставалось то семейное доверие, которого невозможно добиться никакими государственными распоряжениями.

Евдокия взяла перо, собираясь ответить Куракину, но некоторое время сидела неподвижно. Было неприятно думать, что Савва Андреевич уйдёт домой и расскажет родственникам, будто она совсем от них отвернулась.

И всё же она не собиралась просить Алексея изменить решение.

Позднее, встретив сына, Евдокия упомянула о визите.

– Савва Андреевич сердится. Больше на меня, чем на тебя, хотя назначение твоё.

Алексей отложил книгу, которую читал перед ужином.

– Я предлагал Ивану службу, где он сможет пригодиться. И не собираюсь отказываться от него только потому, что родственники просили большего.

– Знаю. Он хороший молодой человек, между прочим. Не ленивый.

– Потому я и предложил ему место.

Евдокия кивнула. Ей хотелось сказать что-нибудь ещё, но в комнате появилась Шарлотта, пришедшая звать их к столу. Разговор закончился сам собой.

В апреле Шарлотта начала замечать, что придворные дамы постепенно перестают обращаться с ней как с гостьей.

Прежде они осторожно присматривались к её привычкам, словно ожидали, что молодая царица рано или поздно совершит какую-нибудь ошибку. Теперь всё чаще приходили с просьбами: представить родственницу, принять участие в благотворительном деле, посетить чей-нибудь дом или оказать покровительство молодому человеку, мечтавшему о службе.

Шарлотта старалась никого не обижать, но быстро поняла, что простого обещания выслушать иной раз достаточно, чтобы на следующий день проситель уже уверял знакомых в её поддержке.

Однажды женщина из старого придворного круга попросила помочь сыну получить место в государевой канцелярии. Молодая царица расспросила о его учёбе и выяснила, что юноша немного занимался французским языком, но русские деловые бумаги составлял с трудом.

– Тогда ему, наверное, лучше сперва закончить обучение, – сказала Шарлотта. – Мой муж очень ценит людей, которые знают своё дело.

Просительница ушла вполне любезно, однако вскоре Шарлотта узнала, что при дворе её считают женщиной слишком требовательной к книгам.

Об этом сообщила Наталья Алексеевна, заглянувшая к племяннице после обеда.

– Поздравляю! – объявила царевна, едва устроившись в кресле. – Тебя впервые осудили за собственное мнение. Скоро совсем обживёшься.

Шарлотта удивилась.

– Я не хотела никого обидеть. Мне просто показалось, что мальчику рано в канцелярию, если он ещё плохо пишет.

– Именно поэтому на тебя и сердятся. Если бы ты отказала по капризу, можно было бы пожаловаться на характер. А так придётся признать, что мальчик действительно плохо пишет.

Наталья взяла со стола одну из книг, которые Шарлотта разбирала перед её приходом. Среди них находились немецкие издания, несколько французских сочинений и русские переводы, переданные Евдокией.

– Кстати, я хотела попросить вас помочь мне с чтением, – сказала Шарлотта. – Разговорную речь я понимаю гораздо лучше, чем письма. Особенно когда почерк неразборчивый.

Наталья отложила книгу.

– С почерками у нас беда даже у грамотных людей. А что именно хочешь читать?

Шарлотта показала ей несколько страниц из русской книги. Она уже пыталась самостоятельно разобраться в тексте, делала пометки на отдельном листе и теперь хотела проверить, правильно ли поняла некоторые слова.

Наталья просмотрела записи и сразу заметила несколько неточных переводов. Объяснила значение, привела примеры, затем предложила прислать человека, который помогал ей с книгами и переводами.

– Только не позволяй ему объяснять каждое слово по часу, – предупредила она. – Он человек добросовестный, но иногда забывает, что слушателю тоже нужно дышать.

Шарлотта согласилась с явным удовольствием. Ей хотелось свободно читать русские книги и письма, понимать разговоры придворных без постоянной помощи переводчика. Она не собиралась всю жизнь оставаться иностранной принцессой, которой терпеливо разъясняют собственный дом.

Когда Алексей пришёл за женой, обе женщины сидели над переводом и спорили о значении одного слова.

– Я помешал? – спросил он.

Наталья даже не подняла головы.

– Подойди лучше. Нам нужен человек, который объяснит, что означает государева милость, когда о ней пишут в прошении. Твоя жена полагает, что проситель должен прямо указать, чего хочет.

Алексей прочёл несколько строк и улыбнулся.

– Иногда лучше бы так и делали.

Шарлотта посмотрела на него.

– Значит, я правильно поняла?

– Ты поняла, что человек просит помощи. А чего именно он хочет, придётся выяснять отдельно.

– Как неудобно, – заметила она.

Наталья довольно рассмеялась.

– Вот видишь, племянничек! Даже иностранке ясно, сколько у нас лишних слов.

Алексей сел рядом с женой и помог ей разобрать оставшийся текст. Наталья некоторое время слушала, потом оставила их вдвоём, вспомнив, что обещала проверить новые книги для своего театра.

Шарлотта продолжила чтение уже с мужем. Она не торопилась, иногда возвращалась к предыдущей строке и просила объяснить выражение, которого прежде не встречала. Алексей отвечал терпеливо. Ему нравилось видеть, с какой настойчивостью жена осваивает новую жизнь, хотя он понимал, что ещё долго многое будет казаться ей чужим.

К маю дороги начали подсыхать.

Солнце прогревало деревянные стены, возле дворца появились первые зелёные побеги, а на рынках уже продавали раннюю зелень. В садах приводили в порядок дорожки, убирали прошлогодние ветви, проверяли ограды после зимы.

Евдокия всё чаще бывала во дворе, где готовили её отъезд.

Вещи уже распределили по повозкам, необходимые бумаги находились у Куракина, служащие знали свои обязанности. От иностранных посредников поступили дополнительные сведения об охранных грамотах и порядке движения делегаций. Окончательные подробности предстояло уточнять по мере продвижения, но возможность выехать из России по подготовленному маршруту больше не вызывала прежних сомнений.

Куракин доложил, что посольство готово выступить в назначенный день.

Алексей утвердил отъезд.

Вечером накануне путешествия семья собралась за ужином. Евдокия решила не устраивать официального прощания: впереди ещё могли быть торжественные встречи, а последний вечер дома хотелось провести спокойно.

Наталья принесла небольшой свёрток, завёрнутый в плотное полотно, и положила его перед золовкой.

– Откроешь в дороге.

– Если это новая пьеса, – заметил Алексей, – матушка может не выдержать.

– Никакая не пьеса. И вообще, племянник, имей совесть. Я подарок привезла.

Евдокия осторожно размотала ткань. Внутри оказались небольшая дорожная подушечка и вышитый чехол для книги.

– Чтобы ты хоть иногда отдыхала, – пояснила Наталья. – А то знаю я тебя: сядешь в карету и станешь читать бумаги до самой Германии.

Евдокия потрогала мягкую ткань, провела пальцами по вышивке и поблагодарила золовку. Наталья довольно сообщила, что сама выбирала узор, но вышивать поручила мастерице, поскольку не собиралась портить хороший подарок собственным рукоделием.

Шарлотта передала свекрови несколько писем для родных.

– Здесь всё подписано. Если встретите кого-нибудь из моей семьи или окажется удобная почта, прошу передать.

– Конечно.

Молодая царица помедлила, затем достала из складок платья маленький мешочек из синей ткани. Внутри лежали высушенные цветы, аккуратно завёрнутые в тонкую бумагу.

– Это из моего свадебного венка, – объяснила она. – Я сохранила несколько веточек. Хотела, чтобы вы взяли их с собой.

Евдокия растерялась.

Шарлотта смутилась ещё сильнее и поспешила добавить, что подарок, возможно, слишком простой. Но Евдокия уже поднялась из-за стола и обняла невестку.

– Он прекрасный, дорогая.

Шарлотта прижалась к ней. Несколько месяцев назад она ещё опасалась будущей свекрови, слишком много слышала о русском дворе и его суровых семейных обычаях. Теперь ей было трудно представить, как станет жить без женщины, которая помогла ей освоиться в Москве.

Наталья промокнула уголок глаза платком и тут же рассердилась на собственную чувствительность.

– Вот ведь! Собрались ужинать, а устроили прощание на целый вечер.

Алексей негромко рассмеялся. Он тоже смотрел на мать и жену с явным волнением, но не вмешивался.

После ужина они ещё долго не расходились. Наталья рассказывала о прежних поездках, о немецких гостях и смешных происшествиях, которые за годы жизни при дворе накопились в невероятном количестве. Шарлотта вспомнила несколько историй из детства. Алексей слушал её внимательно, иногда уточняя незнакомые обстоятельства, а Евдокия с удовольствием наблюдала, как свободно молодые супруги теперь разговаривают друг с другом.

Когда Наталья отправилась к себе, Шарлотта тоже поднялась. Ей предстояло закончить письмо матери, и она попросила мужа не задерживаться слишком долго.

Алексей обещал прийти позднее.

Евдокия осталась с сыном ненадолго. Они поговорили о дороге, о Куракине, о том, когда можно ожидать первых донесений из посольства. Алексей сообщил, что распорядился отправлять письма матери при каждой удобной возможности, а срочные сведения передавать через установленные дипломатические каналы.

Евдокия выслушала его и вдруг поняла, что больше не ищет в этих словах повода что-нибудь исправить.

Перед уходом Алексей обнял её. Он ничего не сказал о том, как трудно будет без матери, и она тоже не стала заводить разговор о разлуке. За последние недели они уже достаточно говорили об этом.

Утром двор ожил задолго до рассвета.

Служители носили последние дорожные вещи, проверяли списки, передавали распоряжения. Возле ворот стояли подготовленные повозки, лошади нетерпеливо переступали копытами, сопровождающие собирались небольшими группами. В прохладном воздухе пахло сырой землёй, кожей упряжи и дымом из печных труб.

Куракин появился с папкой под мышкой и сразу принялся проверять готовность людей.

Прэст, уже одетый для дороги, разговаривал с одним из переводчиков. Он выглядел бодрым и даже довольным, словно собирался не на трудные дипломатические переговоры, а в давно обещанное путешествие.

Евдокия вышла из покоев в тёплом дорожном платье, поверх которого накинула плащ. Мавра сопровождала её до лестницы, продолжая давать последние наставления людям, отвечавшим за личные вещи государыни.

– Всё положили? – спросила Евдокия.

– Всё, матушка-государыня. И лекарства, и тёплое бельё, и дорожные башмаки. Ещё полотна добавила. Вы в дороге непременно вспомните, что я права была.

Евдокия рассмеялась и пообещала написать Мавре отдельное благодарственное письмо, если хотя бы половина предусмотренных ею вещей действительно понадобится.

Внизу ждали Алексей и Шарлотта.

Молодая царица подошла первой. Она была бледнее обычного, но старалась держаться спокойно. Обняв свекровь, попросила писать почаще и передать привет её родным, если представится возможность. Евдокия поцеловала её в щёку и обещала постараться.

Затем к карете подошёл Алексей.

Он проводил мать до подножки. Несколько мгновений они стояли рядом, наблюдая, как служители устраиваются на местах.

– Куракин обещал писать при каждой возможности, – сказал Алексей.

– Он обязательно будет писать. Уверена, даже если писать окажется совершенно не о чем.

Алексей улыбнулся, но сразу посерьёзнел.

– Странно. Ты уезжаешь, а я остаюсь.

Евдокия посмотрела на сына. На нём был тёмный кафтан, застёгнутый до горла, волосы аккуратно убраны. Он держался спокойно, однако она слишком хорошо знала его, чтобы не заметить напряжения.

– Раньше чаще бывало наоборот, – ответила она.

– Раньше я знал, что ты будешь здесь, когда вернусь.

Она взяла его за руку.

– А теперь у тебя своя семья. И дел достаточно, чтобы не пришлось скучать.

Он усмехнулся.

– Особенно дел.

Некоторое время они молчали. Возле кареты проверяли крепления дорожного сундука, кто-то из служителей звал запоздавшего товарища, на крыльце появилась Наталья с большим платком, которым уже принялась размахивать так усердно, словно провожала корабль.

Алексей обнял мать крепко, почти по-мальчишески.

– Береги себя. И не торопись в дороге, если начнутся дожди.

– У меня для этого есть Куракин. Он будет напоминать.

– Тогда я спокоен.

Евдокия поднялась в карету. Алексей помог ей устроиться, передал небольшой дорожный свёрток и отошёл на несколько шагов. Куракин подошёл доложить о готовности, получил разрешение выступать и направился к своей повозке.

Евдокия выглянула в окно.

Шарлотта стояла возле мужа. Наталья продолжала махать платком, время от времени обращаясь к стоявшим рядом людям, которые, по её мнению, недостаточно усердно прощались с государыней.

Евдокия рассмеялась и помахала ей в ответ.

Лошади тронулись. Карета медленно покатилась к воротам, за ней потянулись остальные повозки. Колёса громыхали по неровной мостовой, служители окликали друг друга, кто-то торопился поправить съехавшее крепление на дорожном сундуке.

Алексей стоял рядом с женой, пока последняя повозка не скрылась из виду.

Шарлотта незаметно взяла его за руку. Он ответил на прикосновение и ещё некоторое время смотрел на пустые ворота.

– Пойдём? – тихо спросила она.

Алексей кивнул. Они повернулись к крыльцу, где уже ожидал один из служащих с утренними донесениями.

– Государь, прибыли бумаги с севера. И князь Меншиков просил назначить время для разговора.

– Меншикова после полудня. Северные бумаги принесите сейчас, но прежде велите приготовить завтрак.

Служащий поклонился и направился в канцелярию.

Шарлотта посмотрела на мужа.

– Ты ведь обещал мне сегодня позавтракать вместе.

– Помню. Бумаги после завтрака.

Она улыбнулась, поправила ворот его кафтана, сбившийся от утреннего ветра, и пошла рядом с ним к столовой.

Глава 4. Дорога не двор

Май 1712 года. Смоленск – земли Речи Посполитой

Первое утро за пределами Москвы Евдокия провела в обществе женщины, которая была твёрдо убеждена, что государыня простудится и умрёт ещё до Смоленска.

Мавра высказывала это опасение не впервые, но с каждым днём приводила всё более убедительные, на собственный взгляд, доказательства.

– Опять всю ночь дождь шёл, матушка-государыня. В карете сыро, ноги мёрзнут. А вы ещё окно приоткрываете. Скажите на милость, чего там смотреть? Лес да грязь.

Евдокия, сидевшая на краю постели, пыталась попасть ногой в башмак. После вчерашней дороги спина ныла, а правое колено неприятно отзывалось на каждое движение. В комнате пахло влажной древесиной, растопленной печью и горячей водой, которую служанка только что принесла для умывания.

– Мавра, если я закрою окно, то задохнусь раньше, чем простужусь.

– Воздуха ей мало! Вчера надышались, когда из кареты вышли. Вон сколько ветру было.

– Мне ещё несколько недель ехать. Предлагаешь совсем не дышать?

Мавра поджала губы и поправила тёплую накидку, лежавшую на сундуке.

– Смейтесь. А как горло заболит, опять лекаря позовёте. Он вам горького питья даст, тогда и вспомните мои слова.

Евдокия наконец справилась с башмаком и поднялась. За небольшим окном виднелся двор постоялого дома. Двое конюхов выводили лошадей из-под навеса, слуга тащил к повозке тяжёлый мешок, а возле ворот Куракин разговаривал с человеком в дорожном кафтане. По выражению лица князя можно было предположить, что разговор идёт не особенно приятно.

– Лучше скажи, есть ли завтрак.

– Каша, хлеб, яйца. Чай вам сейчас принесут.

– Вот видишь. Жизнь ещё вполне сносная.

– Кому как, – проворчала Мавра и отправилась проверять, не забыли ли дорожные служители вынести из соседней комнаты вещи государыни.

Евдокия подошла к окну. Накануне они задержались у размытого участка дороги, где повозки пришлось пропускать по одной. Крестьяне из ближайшей деревни помогли укрепить проезд хворостом, а посольские люди следили, чтобы тяжёлые сундуки не перегружали колёса. Работали несколько часов, и к концу ожидания даже Куракин перестал смотреть на часы.

Сама Евдокия вышла из кареты размять ноги и обнаружила, что её появление немедленно прекратило самые громкие разговоры. Стоило ей отойти за повозку, как мужики снова принялись ругаться на лошадей, погоду и человека, который велел ехать именно этой дорогой.

Последнее ей показалось совершенно справедливым.

До Смоленска оставалось ещё несколько переходов. Там Куракин рассчитывал получить сведения о безопасном проезде дальше на запад. За русской границей уже нельзя будет послать людей в ближайшее село с государевым распоряжением и ожидать, что местные власти немедленно исполнят требование.

В дверь постучали.

Куракин вошёл с письмом, доставленным ночным гонцом. Сняв перчатки, он сообщил, что выезд придётся немного отложить: представители властей, через чьи земли предстояло следовать посольству, просили дополнительно подтвердить число сопровождающих и порядок движения вооружённой охраны.

– Мы уже представляли список, – заметила Евдокия.

– Представляли, государыня. Однако теперь им требуется подтверждение именно по охране. Не все местные начальники одинаково относятся к появлению чужих вооружённых людей.

Князь положил письмо перед ней. Формулировки были любезными, но достаточно осторожными. Посольству обещали содействие в проезде, одновременно предупреждая, что собственная охрана не должна вмешиваться в распоряжения местных властей.

Евдокия прочитала документ и вернула.

– Требование разумное. Но пусть и нам подтвердят, что согласованные условия будут исполняться на всём пути, а не только там, где окажется их представитель.

– Именно такой ответ я приготовил. Сведения об охране представим, но попросим назвать людей, отвечающих за проезд на каждом участке. Иначе будем вынуждены заново объясняться перед каждым городским начальником.

Он сообщил ещё несколько известий, полученных от посредников, после чего предложил устроить в Смоленске полноценную остановку. Лошадям требовался отдых, некоторые повозки следовало осмотреть после тяжёлой дороги, а люди уже заметно устали.

– Я собирался просить хотя бы один день, – признался князь.

– Просите два, если понадобятся. Лучше приехать к переговорам на день позднее, чем потерять людей и имущество по дороге.

Куракин поклонился и собрался уходить, но Евдокия задержала его.

– Князь, вы сами когда последний раз спали всю ночь?

– Недавно, государыня.

– Это не ответ.

– Боюсь, другого у меня нет.

Она покачала головой. Куракин выглядел собранным, как обычно, однако под глазами у него пролегли тёмные тени. Ещё в Москве князь привык засиживаться над посольскими бумагами, а теперь к ним добавились дорожные заботы.

– В Смоленске найдите время отдохнуть. Мне нужен здоровый глава дипломатической части, а не человек, который уснёт посреди разговора.

– Постараюсь, – ответил Куракин, и по его виду Евдокия поняла, что обещание потребует отдельного надзора.

Смоленск встретил посольство пасмурным небом, запахом сырой земли и колокольным звоном.

Город раскинулся на холмах, над которыми поднимались тяжёлые стены крепости. Башни, видневшиеся издалека, постепенно вырастали над дорогой, пока не закрыли собой часть неба. Возле торговых дворов ещё стояли лужи после недавних дождей, а на подъёмах лошади шли медленно, натягивая постромки.

Евдокия смотрела из окна кареты с интересом. За прошедшие годы Смоленск изменился: возле складов появились новые строения, на торговых улицах стало больше лавок, некоторые дома были перестроены. Но город по-прежнему оставался крепостью, где военное присутствие чувствовалось во всём – от караулов у ворот до того, как внимательно проверяли документы прибывающих.

Для государыни приготовили комнаты в доме, где прежде останавливались важные гости. Куракин разместился неподалёку вместе с секретарями и частью канцелярии.

Мавра, войдя в спальню, первым делом проверила постель, затем велела сменить сыроватые покрывала и обнаружила, что одна из оконных створок закрывается неплотно.

– Ну вот, – сказала она с торжеством. – Я предупреждала.

– О чём именно?

– Что в дороге всё надобно проверять самой.

Евдокия не стала спорить. Сняв тяжёлый плащ, она с удовольствием опустилась в кресло возле печи. После нескольких дней тряски возможность посидеть на неподвижном предмете мебели представлялась неожиданной роскошью.

К обеду явился Куракин.

Он успел встретиться с местными служащими и получить письма, ожидавшие посольство. Из них следовало, что предварительные условия проезда через западные земли согласованы, но перед пересечением границы требовалось встретиться с представителем властей Речи Посполитой и уточнить порядок сопровождения.

– Человек опытный, – сообщил князь. – Пан Казимир Островский. Его семья имеет отношение к торговым перевозкам, поэтому он хорошо знает дороги и местные обычаи. Однако собственные интересы у него тоже имеются.

– И чего он хочет?

– Пока не знаю. Возможно, только обеспечить спокойный проезд. Но не исключаю, что разговор коснётся будущей торговли.

Евдокия отложила ложку. За окном стучали колёса повозки, проезжавшей по мокрой мостовой, а из соседней комнаты доносились голоса служителей, готовивших помещение для приёма гостей.

– Если начнёт говорить о торговых преимуществах, выслушайте. Но мы не станем давать обещания от имени государства ради того, чтобы нас пропустили через чужие земли.

– Так я и намерен поступить, – ответил Куракин.

На этом они закончили разговор. Князю предстояло встретиться с городскими служащими, а Евдокия собиралась посвятить остаток дня отдыху, если Мавра не найдёт новых причин объявить войну местной прислуге.

Вечером, возвращаясь после небольшого приёма, Евдокия встретила Прэста возле окна в лестничном переходе. Он стоял с папкой торговых записей под мышкой и разговаривал с одним из секретарей. Увидев государыню, оба поклонились, а секретарь поспешил дальше.

– Уже познакомились со Смоленском? – спросила Евдокия, задержавшись на площадке.

– Пока только с крепостью и дорогой к ней, государыня. Завтра хотел пройтись по торговым рядам, если князь Куракин не найдёт мне другого занятия.

Он выглядел утомлённым после поездки и уже не пытался скрыть этого за неизменной улыбкой. Евдокия сама чувствовала себя примерно так же.

– Тогда желаю вам хорошего отдыха. Завтра, вероятно, всем найдётся работа.

– Благодарю, государыня. И вам спокойного вечера.

Она направилась к своим покоям, а Прэст остался дожидаться человека, которому должен был передать бумаги. Разговор занял всего несколько мгновений, однако Евдокия с некоторым удивлением поймала себя на том, что ей было бы приятно побеседовать с ним подольше, когда не придётся думать о дороге и делах.

На следующий день Куракин принимал пана Казимира Островского.

Польско-литовский шляхтич прибыл ближе к полудню в сопровождении писаря и молодого дворянина. Он оказался человеком среднего роста, с коротко подстриженными усами, внимательным взглядом и привычкой прежде всего оценивать обстановку, в которой ему предстоит разговаривать.

Куракин встретил его с подобающей учтивостью. В небольшой зале, приготовленной для переговоров, стоял стол с письменными принадлежностями, несколько кресел и две свечные стойки. У стены разместились секретари. Прэст присутствовал как торговый консультант; для работы с польскими текстами отдельно пригласили переводчика, знавшего местный письменный язык.

После обычных приветствий Островский передал документ, определявший порядок проезда русского посольства.

Основные условия не вызывали затруднений. Сопровождающие должны были соблюдать местные распоряжения, охрана не могла самостоятельно вмешиваться в дела жителей, а остановки следовало согласовывать с назначенными представителями властей.

Трудность обнаружилась в пункте о предоставлении лошадей и припасов.

Из польского текста, который переводчик прочитал вслух, следовало, что местные служащие обязаны содействовать посольству в получении необходимых подвод. Но порядок оплаты оставался неясным.

Куракин попросил уточнить, кто должен производить расчёты с владельцами лошадей.

Островский объяснил, что при проезде важных лиц обычно действуют установленные местные правила и никаких существенных затруднений не возникает.

– Я охотно верю, пане, – ответил Куракин. – Однако наши люди не знают всех этих правил. Если один служащий потребует оплату, а другой объявит, что лошади предоставлены по обязанности местного населения, возникнет спор. Желательно избежать его заранее.

– Не думаю, что небольшие дорожные расходы станут причиной разногласий между государствами.

– Между государствами – вероятно, нет. Между вашим старостой и моим дорожным казначеем – вполне могут.

Островский усмехнулся. Князь предложил пригласить переводчика и торгового советника для совместной проверки формулировки.

Прэст получил немецкий перевод спорного положения, составленный по польскому подлиннику. Он прочитал его, затем попросил переводчика повторить несколько выражений. Тот подтвердил, что документ действительно допускал два разных способа исполнения.

– Если позволите, – обратился Прэст к Островскому, – здесь удобнее разделить две обязанности. Местные власти обеспечивают возможность получить лошадей, а посольство оплачивает их по согласованным условиям. Тогда ни у кого не останется причины спорить, кто и сколько должен.

– А если подводы будут предоставлены по распоряжению старосты?

– Пусть их количество и место передачи удостоверяют письменно.

Островский некоторое время рассматривал лист. Предложение было разумным, однако принять его без согласования с собственными поручениями он не пожелал. Куракин предоставил ему время для разговора с писарем, после чего стороны вернулись к документу.

К исходу второго часа согласовали необходимую поправку.

Русское посольство получало право нанимать лошадей и приобретать припасы при содействии местных властей, а все случаи предоставления обязательных подвод должны были подтверждаться соответствующей записью. Это избавляло местных служащих от произвольных требований и одновременно позволяло Куракину контролировать расходы.

Островский подписал согласованный текст, после чего князь распорядился приготовить надлежащие списки и переводы.

Когда гости перешли в соседнюю комнату, где подали лёгкое угощение, Куракин задержал Прэста возле стола.

– Вы сегодня хорошо разобрались в условии.

– Благодарю, ваше сиятельство.

– Только впредь, если видите возможность ошибки, сначала предложите исправление, а уж потом объясняйте, кто именно может извлечь из неё выгоду. Наши собеседники не обязаны радоваться, когда им указывают на возможное недобросовестное поведение их служащих.

Прэст выслушал замечание без прежней игривости.

– Я понял, князь. Постараюсь осторожнее выбирать слова.

Куракин кивнул. Он не любил долго объяснять то, что умный человек способен понять с первого раза.

Евдокии результат переговоров сообщили уже после того, как Островский отбыл. Она ознакомилась с документом, задала несколько вопросов и поблагодарила князя за работу. Тот выглядел усталым, но довольным: удалось устранить возможное затруднение, не принимая дополнительных политических обязательств и не затягивая проезд.

Ближе к вечеру Евдокия вышла в сад при доме, где остановилась.

День выдался прохладным, но дождь наконец прекратился. На дорожках лежали прошлогодние листья, между деревьями темнела влажная земля, а у ограды ещё сохранялись небольшие островки грязного снега. Воздух пах сырой корой, дымом и молодой травой, пробивавшейся вдоль забора.

Сад не был особенно красив. Несколько старых яблонь, кусты смородины, деревянная скамья под деревом, две узкие дорожки между грядками. Но после тесных комнат и долгих часов в карете Евдокии нравилось просто идти, не думая, что каждое движение должно соответствовать придворному порядку.

Она остановилась возле яблони и подняла голову. На ветвях уже набухали почки, хотя до цветения оставалось ещё некоторое время.

Со стороны хозяйственных построек послышались шаги.

На дорожке появился Прэст. Он нёс в руках небольшой свёрток и, заметив государыню, остановился, явно собираясь повернуть назад.

– Господин Прэст, – окликнула она. – Вы не помешаете. Я как раз хотела поблагодарить вас за сегодняшнюю помощь.

Он подошёл, поклонился и убрал свёрток под мышку.

– Князь Куракин уже поблагодарил меня, государыня. Правда, одновременно объяснил, как следовало вести себя осторожнее.

– У него большой опыт. Иногда полезно прислушиваться.

– Я и прислушиваюсь.

Евдокия улыбнулась, но не стала продолжать шутку. Она спросила, давно ли Прэст занимается торговыми делами и часто ли ему приходилось разбирать подобные соглашения.

Он рассказал о нескольких прежних поездках, о купеческих домах северогерманских городов и о том, насколько разными бывают торговые обычаи даже в соседних владениях. Говорил он теперь спокойнее, без привычного желания приправить каждое замечание остроумием.

– Однажды мне пришлось полтора месяца добиваться оплаты за груз, который покупатель уже получил и продал, – рассказал Прэст. – Он утверждал, что в письме не было точно указано, кто покрывает расходы на разгрузку. Я считал, что это его забота, он – что моя.

– И чем закончилось?

– Деньги получил. Но к тому времени успел потратить большую часть прибыли на проживание в его городе.

Евдокия невольно рассмеялась.

– Дорогой получился урок.

– Зато полезный.

Она посмотрела на него с интересом.

– Вы всегда так спокойно рассказываете о своих неудачах?

Прэст помолчал, рассматривая влажную землю под ногами.

– Только о тех, которые уже закончились.

Ответ прозвучал совсем иначе, чем его обычные замечания.

Евдокия заметила, как изменилось его лицо. Исчезла лёгкая улыбка, взгляд стал неподвижным, словно на мгновение Прэст оказался далеко от этого сада, среди людей и событий, о которых не собирался рассказывать.

Она не стала спрашивать.

Со стороны улицы донёсся скрип телеги. Возница сердито окликал лошадь, которая упиралась перед большой лужей. Оба некоторое время наблюдали, как мужчина пытается уговорить животное сдвинуться с места, затем слезает и ведёт его за повод.

– А вы давно бывали в Смоленске? – спросила Евдокия, когда повозка наконец проехала.

– Несколько раз. Но прежде никогда не задерживался надолго. Обычно спешил дальше.

– И что успели здесь увидеть?

Прэст немного подумал.

– Крепость. Торговые дворы. Несколько церквей. Сегодня хотел зайти к одному мастеру, который делает хорошие дорожные перчатки, но после переговоров уже не успел.

Он показал свёрток, который держал под мышкой.

– Зато удалось купить новую записную книгу. Старая почти закончилась, а впереди ещё много дороги.

Евдокия вспомнила собственные дорожные записи, которые начала вести ещё в Москве. Она записывала туда названия мест, наблюдения о дорогах, сведения о людях, которых встречала. Иногда – совершенно не относящиеся к государственным делам мелочи, просто потому, что не хотела забыть.

– Я тоже взяла с собой несколько чистых тетрадей, – сказала она. – Только пока не решила, что именно хочу записывать.

– Всё, что покажется достойным памяти.

– Тогда понадобится гораздо больше бумаги.

Прэст улыбнулся.

Они двинулись по дорожке к дальнему концу сада. Евдокия рассказала, как несколько лет назад во время поездки по русским землям ей пришлось ночевать в доме, где хозяева долго не могли поверить, что государыня действительно собирается есть за их столом. Вспомнила, как хозяйка прятала лучшую посуду, боясь, что её сочтут недостаточно красивой, а потом обнаружилось, что у неё нет ничего удобнее обычных глиняных мисок.

Прэст слушал внимательно, изредка задавая вопросы. Он не пытался перевести каждую историю в шутку, хотя иногда не удерживался от замечаний, вызывавших улыбку.

Постепенно разговор перешёл к европейским городам.

Евдокия призналась, что ждёт предстоящих встреч с интересом. Германия оставалась для неё страной, о которой она много читала и слышала, но видела лишь отдельные места. Ей хотелось узнать, как живут люди, посмотреть школы, мастерские, библиотеки, поговорить с теми, кто занимался науками.

– Боюсь, у вас не останется на всё это времени, – заметил Прэст. – Князь Куракин уже составляет такой порядок встреч, что даже самым терпеливым германским владетелям придётся спешить.

– Надеюсь, всё же удастся выкроить несколько дней.

– Если потребуется помощь с городскими обычаями или языком, обращайтесь. Я знаю немало людей, которые смогут показать вам то, что обычно не показывают важным гостям.

Евдокия посмотрела на него.

– Что именно?

– Мастерские, торговые склады, частные библиотеки. Иногда самое интересное находится далеко от парадных дворцов.

Ей понравилось, что он сразу понял, о каких местах она говорит.

– Тогда, возможно, воспользуюсь вашим предложением.

Они остановились возле скамьи. Сад уже погружался в сумерки, влажная земля быстро остывала, а из дома доносились голоса прислуги, готовившей ужин.

Евдокия почувствовала, что начинает мёрзнуть. Она поправила на плечах накидку и направилась обратно к крыльцу.

Прэст проводил её до начала дорожки, ведущей к дому, и остановился, не собираясь следовать дальше.

– Благодарю за беседу, государыня.

– И я вас. До завтра.

Она поднялась по ступеням.

Мавра ожидала её возле двери, держа в руках тёплый платок.

– Опять без него гуляли.

– Было тепло, когда выходила.

– А теперь холодно. Я же говорила, что к вечеру захолодает.

Евдокия покорно позволила накинуть платок на плечи. Спорить с Маврой было бесполезно, особенно когда та оказывалась права.

Войдя в комнату, она сняла перчатки и с некоторым удивлением обнаружила, что за разговором успела забыть о ноющей после дороги спине.

Через два дня посольство покинуло Смоленск.

Дорога постепенно менялась. Позади оставались знакомые русские селения, затем потянулись места, где в названиях деревень, одежде жителей и языке всё заметнее чувствовалась близость других земель. На некоторых участках дорога шла между лесами, на других открывались поля с молодой зеленью. В низинах ещё стояла вода, но после нескольких сухих дней колёса уже не увязали так глубоко, как прежде.

В условленном месте посольство встретили люди, направленные местными властями. Они предъявили охранные документы и сообщили, где предусмотрены ближайшие остановки. Куракин лично проверил бумаги, после чего распорядился, чтобы один из русских переводчиков находился при сопровождающих для постоянной связи.

Евдокия наблюдала за происходящим из кареты.

За годы царствования Алексея русские служащие привыкли выполнять её распоряжения. Здесь же даже простая остановка требовала согласования с людьми, которые вовсе не обязаны были подчиняться московскому двору. Эта разница становилась особенно заметной, когда кто-нибудь из сопровождающих по привычке требовал немедленного исполнения приказа, а местный чиновник вежливо отвечал, что должен прежде получить подтверждение от своего начальства.

Куракину несколько раз пришлось вмешаться, чтобы объяснить русским служителям порядок действий.

Первая остановка за границей оказалась вполне сносной. Посольству отвели помещения в большом хозяйском доме, где обычно останавливались состоятельные путешественники и купцы. Хозяин, предупреждённый о прибытии русской царицы, постарался приготовить всё как можно лучше, но разместить всех сопровождающих под одной крышей не удалось. Часть людей устроили в соседних строениях, а для охраны определили отдельные места.

Евдокии досталась комната с высокой кроватью, тяжёлыми занавесями и большим расписным сундуком возле стены. Печь нагрели заранее. На столе оставили несколько свечей и кувшин с водой.

Хозяин лично осведомился, довольна ли государыня помещением, после чего ещё долго благодарил Куракина за оказанную честь.

Мавра осмотрела постель и, к общему удивлению, не нашла в ней недостатков.

– Вот видишь, – сказала Евдокия. – И за границей можно жить.

– Поживём – увидим.

За ужином присутствовали старшие члены посольства и несколько местных представителей. Разговаривали преимущественно по-немецки. Обсуждали состояние дорог, торговые города, урожай прошлого года и возможные сроки предстоящих переговоров.

Один из местных дворян пожаловался, что война давно мешает торговле и разоряет хозяйства людей, которые никогда не видели ни русского царя, ни шведского короля. Куракин согласился, что мир был бы полезен многим, но уклонился от обсуждения конкретных условий будущего договора.

Прэст сидел дальше по столу, беседуя с купцом из ближайшего города. Они говорили о ценах на лес и пеньку, о трудностях перевозки товаров и о том, как изменилась торговля за последние годы.

После ужина гости постепенно разошлись. Куракин остался обсуждать с местными служащими завтрашний выезд, Евдокия отправилась отдыхать.

Прэст задержался во дворе.

Купец, с которым он разговаривал за столом, предложил зайти утром посмотреть образцы товаров, приготовленных к отправке на запад. Прэст согласился, но предупредил, что посольство может выступить рано.

Они ещё некоторое время беседовали возле хозяйственного строения. Перед расставанием Прэст вынул из внутреннего кармана небольшой сложенный лист и передал собеседнику.

– Для нашего общего знакомого, – сказал он по-немецки. – Если ваши люди отправятся раньше меня, передайте.

Купец убрал письмо и назвал имя человека, которому должен был его доставить.

Прэст подтвердил, что адресат указан верно. Затем они пожали друг другу руки и разошлись.

На следующем участке пути посольство задержалось возле небольшой переправы.

Река после весенних дождей поднялась, течение стало сильнее обычного, и перевозчики отказывались брать тяжёлые повозки вместе с людьми. Пришлось разгружать часть имущества, а затем переправлять его отдельно.

Куракин распорядился, чтобы первыми перевезли необходимые бумаги и нескольких служащих, которые должны были подготовить место для остальных. Евдокия воспользовалась остановкой, чтобы выйти из кареты и размять ноги.

Возле воды было прохладно. На берегу лежали мокрые брёвна, рядом стояли телеги местных жителей, ожидавших возможности перебраться на другую сторону. Чуть поодаль женщина в тёмном платке пыталась удержать двух детей, которым очень хотелось подойти к воде.

Младший вывернулся из её рук и побежал к берегу.

Мать испуганно окликнула его, но мальчишка уже оказался возле самой кромки. Один из посольских служителей успел перехватить ребёнка за плечо и отвести обратно.

Женщина принялась благодарить его на местном языке. Служитель смущённо отмахивался, не понимая слов.

Прэст, оказавшийся рядом, помог объясниться. Он поговорил с женщиной, затем перевёл её благодарность на русский. Мать наконец успокоилась, а мальчик получил такой строгий выговор, что второй ребёнок благоразумно спрятался за её юбку.

Евдокия наблюдала за ними с улыбкой.

– Хорошо, что успели.

– Да, – ответил Прэст. – Здесь берег крутой, да и вода холодная.

Он посмотрел на реку, где перевозчики уже готовились принять следующую повозку.

– В некоторых местах течение гораздо спокойнее. Но до них пришлось бы ехать ещё несколько часов.

Евдокия спросила, часто ли он пользовался подобными переправами. Прэст рассказал, как однажды задержался на двое суток из-за весеннего половодья и успел познакомиться со всеми постояльцами дома, где пришлось ночевать. Большинство из них, по его словам, потом ещё долго жаловались друг на друга.

Разговор прервался, когда подошёл Куракин. Перевозчики были готовы принять государыню с ближайшей партией людей.

Евдокия направилась к переправе в сопровождении охраны.

Прэст остался на берегу помогать переводчику объясняться с местными работниками. Один из перевозчиков требовал дополнительную плату за тяжёлый сундук, хотя условия найма были заранее согласованы. Вместо спора Прэст предложил перенести часть вещей отдельно, чтобы облегчить груз.

Перевозчик согласился, и работа продолжилась без задержки.

Когда последняя повозка оказалась на противоположном берегу, посольство тронулось дальше.

К вечеру Евдокия чувствовала себя совершенно разбитой.

Она долго сидела в кресле возле печи, пока Мавра разбирала дорожные вещи и жаловалась на то, что в чужих краях никто не умеет готовить постель надлежащим образом.

На этот раз Евдокия даже не пыталась возражать.

После ужина принесли письма, полученные через сопровождавших посольство людей. Среди них было короткое послание от Алексея, отправленное ещё прежде, чем они покинули Смоленск.

Сын сообщал, что дела в Москве идут своим чередом. Беляев приступил к новой службе, первые сведения о северных поставках уже получены. Шарлотта продолжала заниматься русским языком и недавно рассмешила Наталью Алексеевну замечанием о том, что некоторые

придворные прошения становятся гораздо понятнее, если вычеркнуть из них все похвалы государю.

Евдокия улыбнулась, читая эти строки.

Алексей также просил сообщать о трудностях пути и напоминал, что в случае серьёзной опасности посольство вправе задержаться до получения надлежащих гарантий.

Она перечитала письмо, затем взяла чистый лист и написала ответ.

Рассказала о Смоленске, о благополучном переходе границы, о том, что Куракин заботится о безопасности с такой тщательностью, что едва ли позволит ей попасть в неприятности. Упомянула хорошие дороги там, где они действительно оказались хорошими, и умолчала о том, сколько раз за день прокляла дорожные ухабы.

Шарлотте передала привет и попросила продолжать занятия. Наталье обещала привезти несколько книг, если удастся приобрести подходящие издания.

Письмо получилось длиннее, чем она собиралась. Евдокия перечитала его, исправила несколько слов и поставила подпись.

В комнату заглянула Мавра.

– Матушка-государыня, опять свечи жжёте. Уж поздно, а вы с утра на ногах. Ложились бы.

– Сейчас, Мавра. Письмо только уберу.

– Утром уберёте.

– Утром оно должно быть у Куракина.

Мавра подошла, посмотрела на лист, посыпанный песком, и с осторожностью человека, опасающегося испортить важный документ, помогла переложить его на чистое место.

– Вот. Теперь можно и спать.

Евдокия сдалась. Она поднялась из-за стола, позволила Мавре помочь снять верхнее платье и вскоре легла. За окном ещё долго слышались голоса людей, занятых лошадьми и дорожным имуществом, но усталость взяла своё быстрее, чем закончились вечерние хлопоты во дворе.

Утром Прэст вышел из дома прежде остальных.

Ночь оказалась прохладной. На траве лежала роса, лошади стояли под навесом, а у ворот двое работников готовили повозку к выезду. Прэст остановился возле колодца, умылся холодной водой и вытер лицо полотенцем, которое принёс с собой.

Один из местных служителей подошёл к нему и передал короткую записку.

Прэст узнал почерк.

Он прочёл несколько строк, сложил лист и убрал во внутренний карман кафтана. Затем поблагодарил служителя и спросил, не требуется ли передать ответ.

Тот покачал головой.

Через некоторое время во двор вышла Евдокия в дорожном платье и тёплой накидке. Мавра сопровождала её, продолжая негромко ворчать по поводу слишком раннего выезда.

Прэст поклонился.

– Доброе утро, государыня.

– Доброе, господин Прэст. Надеюсь, сегодня дорога окажется спокойнее.

– По сведениям сопровождающих, следующий участок достаточно удобен. Князь Куракин уже распорядился проверить повозки перед выездом.

Евдокия поблагодарила его и направилась к карете.

Прэст некоторое время оставался во дворе, наблюдая, как люди занимают свои места. Затем вернулся к собственной повозке, где уже ожидал переводчик с дорожными бумагами.

Тот выглядел сонным и недовольным ранним подъёмом.

– Далеко сегодня ехать? – спросил он, устраиваясь возле окна.

Прэст назвал предполагаемую остановку и передал ему одну из записок, которые требовалось сверить по дороге.

Переводчик вздохнул, достал очки и принялся читать.

Прэст тоже открыл дорожную книгу. В ней находились заметки о германских городах, торговых обычаях и людях, с которыми предстояло встретиться. На одном из последних листов он сделал небольшую пометку, затем закрыл книгу и убрал её в сумку.

Посольство тронулось.

За окнами тянулись зелёные поля, местами ещё залитые водой. По обочине шли двое крестьян с корзинами, дальше виднелась деревня с невысокой деревянной церковью. За ней начинался лес.

Через некоторое время переводчик попросил остановиться у следующего постоялого двора: ему стало нехорошо от тряски. Прэст передал просьбу сопровождающему, и повозка ненадолго отстала от остальных.

Когда они снова выехали на дорогу, переводчик устроился удобнее и почти сразу задремал.

Прэст достал из внутреннего кармана утреннюю записку и перечитал её.

На маленьком листе было всего несколько строк, написанных по-немецки. Отправитель подтверждал получение известия и сообщал, что дальнейшие сведения можно будет передать обычным порядком через знакомых купцов.

Прэст подержал записку над коленями, затем разорвал её на мелкие части. На ближайшей остановке, когда слуга принёс горячей воды, он бросил обрывки в печь и дождался, пока бумага сгорит.

После этого вернулся к своей дорожной книге.

В одной из передних карет ехала Евдокия. Вчерашний разговор в саду оставил у него приятное впечатление, особенно её интерес к книгам и мастерским, о которых при дворах обычно вспоминали лишь тогда, когда требовалось произвести впечатление на иностранного гостя.

Он подумал, что в Дрездене или Берлине наверняка найдётся возможность показать ей что-нибудь действительно любопытное. Если, конечно, князь Куракин позволит отступить от установленного порядка встреч.

Колёса повозки громыхнули на камнях. Прэст придержал сумку, чтобы она не соскользнула с сиденья, и снова открыл книгу.

На следующей странице были записаны имена людей, с которыми ему предстояло встретиться в германских землях.

Глава 5. Германские двери

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.